

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ШАХОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ (ПО
МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ
КРАЕ)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор
Максимова Светлана Геннадьевна

Барнаул – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Теоретико-методологические и методические основания исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения	16
1.1. Теоретико-методологические подходы к исследованию социальной интеграции населения	16
1.2. Теоретические основы изучения межэтнического взаимодействия в современном обществе	40
1.3. Методика исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения.....	55
Глава II. Специфика проявления процессов социальной интеграции населения и межэтнического взаимодействия в приграничном регионе России (по материалам социологических исследований в Алтайском крае)	63
2.1. Особенности социальной интеграции населения Алтайского края	63
2.2. Взаимообусловленность процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения.....	77
2.3. Деятельность национально-культурных объединений Алтайского края в рамках межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	117
ПРИЛОЖЕНИЕ	140

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Ситуация, складывающаяся на территории нашей страны и всего мира в последние годы, свидетельствует о глобальных, динамичных изменениях во всех сферах жизнедеятельности человека: социальной, экономической, политической, духовной. На общественное сознание оказывает влияние неконтролируемый поток противоречивой информации, который приводит к росту напряженности в обществе. Происходящие в мире события актуализируют потребность в подробном изучении процессов социальной интеграции населения, которые приобретают особую значимость в Российской Федерации, как многонациональном государстве, успешное развитие которого невозможно без межкультурного и межэтнического взаимодействия всех этносов.

Сотрудничество представителей разных национальностей способствует развитию общественного прогресса, а их противостояния способны привести к серьезным столкновениям. Для предотвращения конфликтов на национальной почве в социуме необходимо максимально благоприятное межнациональное общение. Значимость данных вопросов отражена в политике Российской Федерации, направленной на гармонизацию межэтнических взаимодействий и на укрепление гражданского единства. Целями государственной программы «Реализация государственной национальной политики» являются обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от различных обстоятельств (национальности, расы, происхождения, языка, убеждений, принадлежности к общественным объединениям), укрепление национального согласия, развитие демократических институтов, гармонизация межэтнических отношений, укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации.

Научный анализ путей и механизмов, направленных на гармонизацию межэтнического взаимодействия, профилактику и предотвращение конфликтов на национальной почве имеет большое значение для поддержания социальной, политической, экономической стабильности современного социума. Особую

актуальность данные вопросы приобретают в приграничных регионах, которые играют значимую роль в обеспечении национальной безопасности страны.

Алтайский край является одним из приграничных регионов Российской Федерации (имеет государственную границу с Республикой Казахстан), на его территории проживают представители более 120 этносов. На ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия в регионе наряду с политическими, экономическими, историческими, культурными, религиозными факторами оказывают влияние приграничный характер, многообразие национального состава, миграционные процессы и их структура. Национальная политика края направлена на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, проживающего на его территории, этому во многом способствуют гармоничные межэтнические взаимодействия и высокий уровень социальной интеграции населения.

Таким образом, изучение межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения приграничного региона России сегодня имеет актуальный характер и нуждается в глубоком научном анализе.

Степень научной разработанности темы.

Научное сообщество уделяет большое внимание изучению процессов социальной интеграции и межэтнического взаимодействия. Исследование их особенностей актуально как для отечественных, так и для зарубежных исследователей.

Процессу интеграции большое внимание уделяется в работах представителей структурного функционализма (Дюркгейма Э., Парсонса Т., Мертон Р. и др.). Теория структуризации и сопряженные с ней концепции социальных институтов, социальной и системной интеграции (Гидденс Э.) ориентированы на изучение механизмов социальных изменений, интеграция рассматривается как процесс взаимодействия. Вебер М., Парето В., Парк Р. указывают на то, что на основе общих ценностей и норм всех членов социальной системы возможно наличие социальной интеграции.

Монтескье Ш., Руссо Ж.-Ж., Чаадаев П., Шпенглер О. рассматривали интеграцию с точки зрения качественной характеристики макросистем. С точки зрения глобализации, как макроинтеграционного процесса, анализируются проблемы социальной интеграции у Бека У., Валлерстайна И., Лумана Н., Терборна Г. Теоретические предпосылки изучения социальной интеграции населения заложены также в работах таких ученых, как Бергер П., Гидденс Э., Зиммель Г., Клакхон К., Конт О., Лукман Т., Малиновский Б., Мид Дж., Монтескье Ш., Редклиф-Браун А., Руссо Ж.-Ж., Спенсер Г., Хабермас Ю., Чаадаев П., Шпенглер О., Юнг К.Г.

Интеграция, как заключительный этап межкультурной компетенции, итог процесса межкультурного обучения, представлена в модели развития межкультурной чувствительности Беннета М.

Изучению процессов социальной интеграции посвящены работы российских социологов: Иванов Д., Покровский Н., Халиков М. В научных трудах Ионина Л., Филиппова А., Ярской В. рассматривается солидарное общество, теоретические основы социальной интеграции в социологии. В работах Жогина Б.Г., Масловой Т.Ф. и Шаповаловой В.К. социальная интеграция анализируется как характеристика меры совпадения целей, интересов личностей и социальных групп.

Теоретические основы изучения межэтнического взаимодействия можно найти в работах ученых, среди которых Бурдые П., Гарфинкель Г., Гофман И., Зиммель Г., Лурье С.В., Мид Дж., Парсонс Т., Редклиф-Браун А.Р., Сорокин П., Шюц А. и другие. Его основы рассматриваются в работах Арутюняна Ю.В., Грушевицкой Т.Г., Дробижевой Л.М., Крысько Б.Г., Савицкой О.В., Хабибуллиной А.Р.

Кожанов И.В. изучает сущность и структуру этнокультурной социализации личности. Межэтническое взаимодействие в историческом процессе рассматривает Ларченко С.Г.

Труды Кольцова Е.Ю. посвящены изучению проблем толерантности в межэтнических контактах и стратегий поведения в ситуации межэтнической

напряженности. Работы Ильина В.И. объясняют взаимообусловленность этнических факторов и социально-политических процессов. Проблемы развития гражданского потенциала регулирования межэтнических отношений в современной России рассматривает Бедрик А.В. Анализ справедливости, как универсальной ценности в сфере межэтнических отношений посвящены работы Денисовой Г.С.

Научные труды Бердниковой О., Воронкова В., Вардамского Л.В., Колосова В.А., Ярулина И.Ф. направлены на исследование межэтнических отношений и интеграции населения, в том числе в приграничных регионах страны. Особенности проявления межнациональных отношений на таких территориях разных округов России описывает в своих работах Завьялова М.Н.

Изучению различных факторов развития межэтнических взаимодействий в приграничных регионах России (в том числе в Алтайском крае) посвящены научные работы ученых Алтайского государственного университета: Горбуновой А.А., Максимовой С.Г., Ноянзиной О.Е., Омельченко Д.А., Сарыглар С.А.

Работы Шайхисламова Р.Б., Садретдиновой Э.В., Асадуллиной Г.Р., Коровкиной Н.В. посвящены изучению особенностей межэтнических взаимодействий молодежи в многонациональном социуме, практик их регулирования, а также взаимосвязи межэтнических установок молодых людей и размером социальной дистанции с разными этническими группами. Состояние межэтнических отношений в оценках современной молодежи в региональном социуме изучают Максимова О.А., Нагматуллина Л. К.

В работах Реннера К. и Бауэра О. (концепция национально-культурной автономии в рамках австромарксизма) описаны основы познания национально-культурной автономии. Работы Дробичевой Л.М., Здравомыслова А.Г., Соколовского С.В., Филиппова В.Р. посвящены изучению национально-культурных объединений. В современных условиях данная тема разрабатывается в работах Осипова А.Г. (рассматривает идеи национально-культурной автономии для этнических групп, ее роль в публичных дискуссиях об

организации этнического многообразия и ее влияния на практическую политику). Бегун В.Н. внес значительный вклад в исследование проблем некоммерческих организаций, в своей работе представил глубокий анализ этнологического аспекта проблемы. Особое место занимает работа Нам И.В., посвященная национально-культурным автономиям и объединениям. Хабриева Т.Я. анализирует теоретические и практические проблемы национально-культурных организаций, нормативно-правовую базу по данной тематике.

Таким образом, изучению социальной интеграции населения, а также межэтническому взаимодействию посвящены многие отечественные и зарубежные работы. Однако, на наш взгляд, несмотря на явный интерес ученых, на сегодняшний момент требуется продолжение изучения данных процессов, в том числе изучение межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения, что обусловило выбор темы диссертационной работы, объект, предмет и цель исследования.

Объект исследования – социальная интеграция населения.

Предмет исследования – межэтническое взаимодействие в процессе социальной интеграции населения приграничного региона России.

Цель исследования – выявить основные факторы межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения приграничного региона России.

Задачи исследования:

1. Проанализировать основополагающие теоретико-методологические подходы исследования социальной интеграции населения.
2. Рассмотреть теоретические основы межэтнического взаимодействия в современном обществе.
3. Разработать методику социологического исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения.
4. Охарактеризовать социальную интеграцию населения Алтайского края.

5. Провести социологический анализ взаимообусловленности процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения.

6. Выявить экспертные позиции, характеризующие деятельность национально-культурных объединений Алтайского края в рамках межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения.

Основная гипотеза исследования:

Современную ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия в полиэтничной среде приграничного региона России обуславливают институциональный, социально-психологический, интеграционный факторы. Процесс межэтнического взаимодействия (рассмотренный на трех уровнях: противодействие, воздействие, содействие) и социальной интеграции населения (представленный на индивидуально-личностном, социально-групповом и институциональном уровнях) вероятно, являются взаимообусловленными, позитивное влияние на их состояние оказывает деятельность национально-культурных объединений региона.

Теоретико-методологическую основу исследования составили структурно-функционалистский подход (Парсонс Т.), теория структуризации (Гидденс Э.) и модель развития межкультурной чувствительности (Беннет М.). В качестве методологической базы исследования были использованы труды отечественных социологов (Заславской Т.И., Дробижевой Л.М.). Особую значимость для диссертационного исследования представляют работы Максимовой С.Г., посвященные социальной интеграции населения в полиэтничных приграничных регионах современной России.

Эмпирическая база исследования.

Информационной базой диссертации являются нормативно-правовые документы, данные официальной статистики Российской Федерации и Алтайского края, сведения информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации; статистические материалы Всероссийской переписи населения 2010 года. Эмпирическая часть работы основывается на результатах социологических исследований, направленных на изучение состояния

социальной интеграции в регионе и тенденций в сфере межнациональных отношений, которые были проведены научным коллективом факультета социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (при участии автора):

«Мониторинг состояния межнациональных отношений в Алтайском крае, социологическое исследование для определения состояния и тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, выявления уровня конфликтогенности в Алтайском крае и конфликтогенных факторов» (при поддержке Администрации Алтайского края в рамках мониторинга состояния межнациональных отношений, договор в соответствии с распоряжением Администрации Алтайского края, Главного управления Алтайского края по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне о предоставлении субсидий от 28.11.2014 №ГУ-271/14, 2014-2019 гг., под руководством Максимовой С.Г.);

«Социальная интеграция и развитие этнокультур в полиэтничной среде Алтайского края» (в рамках Гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций от 17.05.2016 №32-рг, 2016 г., под руководством Максимовой С.Г.);

«Межнациональные отношения как ресурс социальной интеграции и развития этнокультур в полиэтничной среде Алтайского края» (в рамках Гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций от 07.06.2017 № М 170/17, 2017 г., под руководством Максимовой С.Г.).

В рамках исследования (Алтайский край; 2016-2020 гг.) были проведены анкетный опрос населения, в котором участвовало 6250 респондента (2016 год – 1199 респондентов, 2017 год – 1276, 2018 год – 1187, 2019 год – 1177, 2020 год – 1411 респондентов); а также экспертный опрос на основе полуструктурированного интервью, в нем участвовало 125 экспертов: 2016 год (25 экспертов), 2017 год (20 экспертов), 2018 год (30 экспертов), 2019 год (22 эксперта), 2020 год (28 экспертов).

Методы исследования. Теоретические: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, системно-структурный анализ, классификация. Эмпирические: опросные методы (анкетный опрос населения, опрос экспертов на основе полуструктурированного интервью), традиционный анализ статистических данных. Методы математико-статистической обработки данных: отбор данных, их модификация, частотный анализ, таблицы сопряженности с применением непараметрического статистического критерия Манна-Уитни, анализ множественных ответов, факторный и кластерный анализы (статистический пакет IBM SPSS Statistics 23.0).

Научная новизна:

1. Определены теоретико-методологические основания исследования социальной интеграции населения, объединяющие положения структурного функционализма Парсонса Т., теории структуризации Гидденса Э. и модели развития межкультурной чувствительности Беннета М., в которых интеграция представлена как важный компонент функционирования общества.

2. Рассмотрены теоретические основы межэтнического взаимодействия в современном обществе, особенности которого определяются значимым влиянием социальных, культурных, психологических факторов.

3. Разработана и апробирована методика комплексного исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения, позволяющая определить актуальное состояние и тенденции процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения в современном региональном социуме, проанализировать взаимообусловленность данных процессов.

4. Определены понятия «социальная интеграция населения приграничного региона» и «межэтнические взаимодействия».

5. Процесс межэтнического взаимодействия (описанный на трех уровнях: противодействие, воздействие, содействие) и социальной интеграции населения (представленный на индивидуально-личностном, социально-групповом и

институциональном уровнях) рассмотрены с точки зрения взаимообусловленности.

6. Выявлены основные факторы межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения приграничного региона России: институциональный, социально-психологический, интеграционный.

7. Рассмотрены актуальные экспертные оценки относительно деятельности национально-культурных объединений Алтайского края и межэтнического взаимодействия в регионе, которое обусловлено несколькими факторами: эффективностью реализации национальной политики; равноправием представителей всех национальностей, проживающих в крае; продуктивной совместной деятельностью институтов гражданского общества, органов власти и населения; наличием некоторого уровня напряженности в сфере межэтнических отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Комплексный подход, основанный на положениях структурного функционализма Парсонса Т., теории структуризации Гидденса Э., модели развития межкультурной чувствительности Беннета М. позволяет рассмотреть многоаспектность проявления социальной интеграции населения, на которую оказывают влияние особенности проявления межэтнических отношений, процессов миграции населения на территории приграничных регионов, интеграционная политика.

2. Разработана комплексная социологическая методика исследования, позволяющая определить особенности процессов межэтнического взаимодействия (посредством показателей: испытываемые чувства к представителям других национальностей, частота враждебного отношения к ним, а также к себе с их стороны, характеристика межнациональных отношений в регионе, выраженность утверждений, касающихся межэтнической сферы (дружественные отношения, оказание взаимопомощи)) и социальной интеграции населения (включая показатели: ассоциативная связь с россиянином, ощущение близости с группами, чувство гордости за Россию, наличие народного

единства жителей страны) в современном региональном социуме, проанализировать взаимообусловленность данных процессов; выявить экспертные позиции, характеризующие деятельность национально-культурных объединений Алтайского края в рамках межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения.

3. Дано определение понятий «социальная интеграция населения приграничного региона» – «процесс включения индивидов во все сферы жизнедеятельности общества, успешность которого зависит от гармоничных межличностных, межгрупповых, межкультурных взаимоотношений на территории приграничного региона России» и «межэтнические взаимодействия» – «взаимоотношения между представителями разных этносов, происходящие во всех сферах общественной жизни».

4. Выделены уровни выраженности социальной интеграции населения:
индивидуально-личностный (низкий),
социально-групповой (средний),
институциональный (высокий);
а также уровни проявления межэтнического взаимодействия:
содействие (доброжелательные, способствующие общественному согласию),
воздействие (нормальные, бесконфликтные),
противодействие (напряженные, конфликтные взаимодействия).

Продемонстрирована взаимообусловленность процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения, представленная через взаимопроникновение сформированных уровней.

5. Определены основные факторы межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения Алтайского края, как приграничного региона России:

институциональный (характеризующий деятельность институтов гражданского общества, краевых органов власти в рамках государственной национальной политики как результативную, сосредоточенную на развитии

национальных культур различных национальностей региона, на готовность прийти на помощь диаспорам и национальным меньшинствам);

социально-психологический (указывающий на то, что для населения Алтайского края характерны предубеждения, стереотипное мышление, препятствующие формированию в регионе неконфликтных, дружественных межэтнических отношений);

интеграционный (отражающий положение в межэтнических взаимодействиях региона с точки зрения интеграции, уважения и положительного отношения к лицам других национальностей, их языку, обычаям, традициям).

6. Выявлены различные позиции экспертов относительно межэтнического взаимодействия в регионе, которое, согласно их оценкам, обусловлено несколькими факторами: эффективностью реализации национальной политики; равноправием представителей всех национальностей, проживающих в крае; продуктивной совместной деятельностью институтов гражданского общества, органов власти и населения; наличием некоторого уровня напряженности в сфере межэтнических отношений. Деятельность национально-культурных объединений Алтайского края представлена партнерскими отношениями с органами власти и другими некоммерческими организациями.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Диссертация выполнена в рамках специальности 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы в соответствии с паспортом специальностей. Соответствует п. 4 (Теории социальной дифференциации/интеграции. Критерии социально-экономической дифференциации), а также пункту 11 (Социальная динамика и адаптация отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе).

Научная значимость исследования.

Теоретическая значимость заключается в расширении и углублении знаний о межэтническом взаимодействии в процессе социальной интеграции населения

в современном обществе. Полученные выводы могут представлять интерес для исследователей, занимающихся проблемами межэтнических отношений в рамках социальной интеграции населения в регионах России; а также могут быть применены при разработке программ социологических исследований.

Практическая значимость исследования состоит в обосновании уровней межэтнического взаимодействия, социальной интеграции населения региона, выявлении значимой взаимосвязи между данными процессами. Возможно использование материалов диссертации при создании обобщающих научных трудов, научно-методических разработок, учебных пособий дисциплин, предметом изучения которых являются процессы межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения. Полученные результаты могут быть полезны для руководителей национально-культурных объединений, специалистов органов управления, вовлеченных в реализацию государственной национальной политики.

Достоверность и обоснованность результатов социологического исследования обеспечена применением признанных социологических теоретических концепций и методологических принципов. В работе использованы адекватные цели и задачам исследования методы сбора и анализа эмпирических данных. Научные выводы базируются на данных официальной статистики, нормативно-правовых документах, результатах репрезентативных опросов населения и экспертного сообщества, результатах вторичного анализа социологических исследований. Основой для выводов послужили результаты математико-статистической обработки данных.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты диссертационного исследования изложены в докладах на следующих мероприятиях:

Международный научно-исследовательский Форум «Взаимодействие этнических культур в процессе евразийской интеграции» (23 июня 2016 года, Барнаул);

Международная конференция молодых исследователей «Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии (27-28 октября 2016 года, Барнаул);

V Международная научная конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве (8 июня 2017 года, Барнаул);

I Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Образование. Проблемы современной коммуникации» (2017 г., Барнаул);

VI Международная научная конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве» (8-11 июня 2018 года, Барнаул);

I Региональная научная конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в региональном социуме» (8-11 июня 2018 года, Барнаул);

XXII Городская научно-практическая конференция молодых ученых «Молодежь – Барнаулу» (ноябрь 2020 года);

II Международный научный форум «Интеграционные процессы в этнокультурной сфере» (25-27 сентября 2020 года);

III Международный форум «Интеграционные процессы в этнокультурной сфере» (июнь 2021 года).

По теме диссертационного исследования опубликовано 11 статей (в том числе 4 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, список научных журналов ВАК).

Структура и объем диссертационной работы.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, которые содержат шесть параграфов, заключения, списка литературы, включающего 189 наименований, приложения. Общий объем диссертации составляет 148 страниц.

Глава I. Теоретико-методологические и методические основания исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения

1.1. Теоретико-методологические подходы к исследованию социальной интеграции населения

Вопросы интеграции всегда были актуальны для России, это связано со «спонтанной преемственностью в развитии и чрезвычайной разнородностью российского общества». Кроме этого, население нашей страны зачастую пренебрегает различными правилами, нормами поведения. А наиболее эффективной формой социальной интеграции является соблюдение универсальных, абстрактных правил, являющихся одобряемыми и разделяемыми всеми социальными субъектами [33].

Процесс социальной интеграции населения является объектом изучения различных наук, среди которых социология, психология, педагогика, философия, культурология и другие. Для более полного понимания данного процесса необходимо подробно проанализировать понятие «интеграция», изучить его особенности и характеристики.

Интеграция рассматривается с различных точек зрения:

согласно первой позиции, интеграция – это объединение элементов или частей в единое целое,

согласно второй позиции, интеграция – это степень принадлежности индивидуума к социальной группе (в связи с ценностями, нормами и убеждениями, которых он придерживается).

Интеграция – это и процесс, приводящий к определенному состоянию, и результат, который заключается в состоянии связанности отдельных дифференцированных частей в целое.

Под интеграцией понимают «глобальные процессы развития окружающего мира в физическом пространстве, психике, как особой форме жизни человека, социальной среде, как человеческой общности» [85].

В науке термин «интеграция» начал употребляться в Новое время, в связи с тем, что появилась необходимость в объединении разных взглядов к пониманию окружающей действительности. Понятие «интеграция» в социальных науках стало использоваться во время формирования европейских государств-наций, когда для различных регионов мира стали актуальны тенденции объединения. Однако, тогда данный термин окончательно не был закреплён в научной лексике.

Согласно другой точки зрения, учение об интеграции появилось в 1920-е годы (Шмед Р., Кельзен Х., Шиндлер Д.), в связи с тем, что интеграционные процессы стали наиболее популярны в обществе. В естественных науках под данным термином понимали целостность, структуру, совершенствование; при изучении общественных отношений – объединение людей или государств в некую социально-политическую общность.

Стоит отметить, что объединение, не совсем полностью отражает суть процесса интеграции, и является только его составляющей. Ещё одной важной особенностью выступает взаимосвязь, взаимозависимость элементов (ранее разнородных), а также их относительная самостоятельность.

Интеграция – это разноаспектное понятие. Процесс интеграции нужно рассматривать наряду и во взаимосвязи с другими социальными процессами. В том числе с противоположным ему – дезинтеграцией, в связи с тем, что характер и особенности интеграции зависят, как от факторов, способствующих ему, так и препятствующих.

Процессы интеграции активно изучаются во многих сферах жизнедеятельности общества: политике, экономике, медицине, образовании, социологии, психологии, науке, IT-сфере, оборонной промышленности, экологии, сфере массовых коммуникаций и других. Соответственно, особенности и основные характеристики интеграционного процесса в каждой из сфер специфические.

Долгих Е.Л. называет четыре подхода к изучению процессов интеграции: технологический, маркетинговый, ситуационный и случайный. Автор, на основе

анализа литературы, интеграцию представляет, как сложнейший процесс, полный противоречий, экспериментов, которые обуславливаются и корректируются жизнью [42].

Киселев М.И. в научной работе «Понятие «Интеграция» с позиции структурного функционализма» приводит анализ понятия «интеграция» с точки зрения различных наук, в том числе культурологии и социологии. Автор, ссылаясь на американского социолога Валлерстайна И., говорит о том, что люди, желающие интегрироваться в определенную систему – это «мигранты» (индивиды, не включенные в какие-либо группы, но желающие туда попасть). Они могут интегрироваться при помощи восприятия и принятия норм и правил этой системы [67].

«Социальная статика Конта О. и органицизм Спенсера Г. представляют собой институциональное направление, или макроподход в изучении интеграции, при котором анализ производится на уровне социальных институтов и общества в целом» [89]. Конт О. и Спенсер Г. в позитивистской социологии впервые актуализировали основы функционального подхода к социальной интеграции. Согласно этой теории, эволюция состоит в интеграции, которая сопровождается дифференциацией [137]. Конт О. считал, что социальная интеграция и социальная солидарность – это то, что создает структуру общества, его иерархию, субординацию.

Понятие «интеграция» является ключевым в работах французского социолога Дюркгейма Э. Он определял интеграцию, как «степень, в которой деятельность или функция различных институтов, подсистем в обществе скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу» [48]. Общество – это интегрированное целое, состоящее из взаимозависящих частей, а основы социальной интеграции создают действия людей в процессе реализации общественных интересов. В теории Дюркгейма Э. интеграция рассматривается с двух сторон (уровень индивида и институциональный уровень) [89]. Политическое действие и моральное воспитание, по его мнению, являются главными факторами социальной интеграции. Взгляды Дюркгейма Э. на

проблемы социетальной интеграции являются интеллектуальными корнями функционализма.

Остановимся более подробно на анализе понятия «интеграция» в рамках структурного функционализма. С позиций этого подхода общество рассматривается как система внутренне дифференцированной и упорядоченной целостности, частями которой являются структурные элементы, вносящие вклад в ее поддержание и воспроизводство [103].

В научных трудах американского социолога Парсонса Т. общество рассматривается как социальная система, которая состоит из четырех подсистем: социетальное сообщество, фидуциарная подсистема (или воспроизводство образца), политика, экономика. Каждая подсистема должна удовлетворять основным функциональным требованиям: интеграция, воспроизводство образца, целедостижение, адаптация. С этой точки зрения, Парсонс Т. ядром общества, как разновидности социальной системы, считает интегративную подсистему (социетальное сообщество). Формой интеграции личности в социетальное сообщество выступает лояльность, заключающаяся в «готовности откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя «общественного» интереса или потребности» [104, 184]. Важную роль в социальной интеграции выполняет сохранение культурного образца [67]. «Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Отношение здесь, как правило, трехстороннее, так как части культурной системы, также как и части социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе» [103, С.21]. С одной стороны, интеграция – это нормативный порядок, с другой – гармония на уровне социума. Базовыми показателями интеграции являются нормы и ценности, «интернализируемые членами общества и задающие паттерны поведения» [89].

При изучении теории социальной и системной интеграции Анипкин М.А. говорит о том, что в развитии теорий интеграции и дифференциации принято

выделять три цикла [12]. Первый цикл автор связывает с работами Спенсера Г. и Дюркгейма Э., второй – с деятельностью Парсонса Т., при анализе третьего цикла автор ссылается на 1990-е годы и социально-политические процессы, которые тогда происходили в Европе и в мире. Важно сказать здесь о работе Локвуда Д. (британского социолога, профессора социологии) о социальной (которая относится к уровню «agency», актор) и системной интеграции (относящейся к уровню «structure», структура). На «подвижной» интеграции, на сбалансированности между «agency» и «structure» основана стабильность в социуме. В работе Локвуда Д. под системной интеграцией понимается «согласие на уровне структуры и социальных институтов», социальная интеграция заключается в «бесконфликтных отношениях на уровне взаимодействия факторов» [89].

Интеграция, как процесс взаимодействия представлена в работах Гидденса Э., согласно его точки зрения, интеграция – это «взаимодействие между субъектами действия, основанное на отношениях автономии и зависимости» [30, 164]. На изучение механизмов социальных изменений направлены теория структуризации и сопряженные с ней концепции социальных институтов, социальной и системной интеграции Гидденса Э. Социолог социальную интеграцию рассматривал как «взаимодействие на личном уровне, предполагающее отношения автономии / зависимости индивидов при их сопresутствии». Акцент делается на пространстве, присутствие агентов "здесь и теперь" при их взаимодействии "лицом к лицу". Системная интеграция – это «взаимодействие между агентами, социальными системами, тотальностями, их взаимный обмен отношениями автономии / зависимости в расширенных пространственно-временных промежутках» [68, 172]. «Социальная интеграция... означает системность на уровне непосредственного межличностного взаимодействия», а системная интеграция определяет взаимосвязь «между акторами или коллективами в рамках различного пространства и времени» [12]. Социальные системы «посредством рутинного воспроизводства структурных качеств формируют и постоянно развивают собственную «системность» –

воспроизводимую взаимозависимость действий». Воспроизводимая взаимозависимость действий – это «отношение, при котором изменения в одной или более составных частях вызывают изменения в других составных частях, а те, в свою очередь, производят изменения в частях, где имели место первоначальные изменения» [172].

По мнению Гидденса Э., «институционализирующая сеть взаимосвязей и взаимовлияний, управляющая воспроизводством системы, действует согласно трем принципам»:

1. Действие гомеостатических каузальных петель.
2. Саморегуляция посредством обратной связи и селективной информационной фильтрации.
3. Рефлексивная саморегуляция [68].

В теории структуризации Гидденса Э., социальная и системная интеграция дополняют друг друга, имеют схожие механизмы и единое основание. Ученым предложен методологический подход, в рамках которого интеграция не поднимается на абстрактный уровень «общества в целом» и не сводится к взаимодействию конкретных индивидов [89].

О существовании социальной интеграции на основе общих для всех членов социальной системы норм и ценностей утверждают Вебер М., Парето В., Парк Р. [183]. Вебер М. изучал данный процесс посредством единства самого индивида и его поведения [26]. Монтескье Ш., Руссо Ж.-Ж., Чаадаев П., Шпенглер О. рассматривали интеграцию с точки зрения качественной характеристики макросистем [122]. В работах Бека У., Лумана Н., Терборна Г. социальная интеграция представлена как макроинтерационный процесс [140, 189].

Клакхон К., Малиновский Б., Редклиф-Браун А. представили социальную интеграцию как полную интеграцию общества [28]. Козер Л. в своих работах говорит о степени социальной сплоченности, Раддай Р. об эволюции сплоченности общества [70]. В своих научных трудах обращались к анализу

процессов социальной интеграции Зиммель Г., Бергер П. и Лукман Т., Мид Дж., Хабермас Ю. и др. [88, 20, 57, 58, 175, 168].

Сорокин П. фундаментом социально-интеграционных процессов называет сходство индивидов, делая акцент на специфике, степени и характерных чертах такого сходства [136].

Гофман А.Б. на основе анализа взглядов Дюркгейма Э. и Хайека Ф.А. делает заключение, что социальная интеграция основывается не только на взаимном интересе и взаимной зависимости, но и на солидарности и регуляции (символической, нормативной, ценностной) [34].

Табылгинова Л.А., проанализировав и обобщив различные взгляды ученых на процесс социальной интеграции, утверждает, что он представляет собой активное включение индивида в социальную жизнь общества, процесс активного усвоения им общественных норм и ценностей [139]. Выделено два подхода, отражающих существенные стороны процесса социальной интеграции. В рамках первого, социальная интеграция представлена как процесс, который направлен на формирование целостности общества через взаимодействия его элементов и подсистем. В рамках второго подхода – как процесс включения индивидов и групп в социум через усвоение его норм, ценностей, совместную деятельность, коммуникацию [72].

Эндрувайт Г. все предметы в социологии разделяет на три группы: социальные субъекты, социальные процессы (к которым относит интеграцию/дезинтеграцию, социальные действия и т.д.), социальные катализаторы, направляющие течение социальных процессов, ускоряющие или тормозящие их [170]. Социологические версии анализа точек пересечения процессов миграции и интеграции представлены в статьях Райнпрехта К. и Вайсс Х. [185]. Штрассер С. считает, что тема интеграции «этнически разнообразных» элементов становится всё насущнее [187].

Согласно модели развития межкультурной чувствительности американского социолога Беннета М., интеграция является заключительным этапом межкультурной компетенции, итогом процесса межкультурного

обучения. Модель развития межкультурной чувствительности – это модель формирования межкультурной компетенции, которая описывает процесс постепенного освоения другой культуры с акцентом на чувственном восприятии и толковании культурных различий. Она включает в себя шесть стадий.

Этноцентрические:

Отрицание. Отрицание существования культурных различий, признание своей культуры как единственной возможной. Возможные формы проявления – изоляция, сепарация.

Защита. Признание культурных различий, но защита, предохранение себя от них. Возможные формы проявления – диффамация (клевета), дискредитация собственной культуры.

Преуменьшение (Минимизация). Признание культурных различий, но преуменьшение их значимости. Возможные формы проявления – физический универсализм.

Этнорелятивистские:

Принятие. Признание и уважение культурных различий.

Адаптация. Признание и приспособление к культурным различиям. Возможные формы проявления – эмпатия, плюрализм.

Интеграция. Полное приспособление к культурным различиям, формирование мультикультурной личности (идентичность включает в себя элементы различных культур).

Уникальность модели межкультурной чувствительности Беннета М. заключается в том, что в ней рассмотрены когнитивные способности, специфические навыки, эмоциональные процессы, связанные с каждой стадией развития [76].

В работах отечественных социологов Иванова Д., Покровского Н., Халикова М. подробно изучены процессы социальной интеграции. В трудах Ионина Л., Филлипова А., Ярской В. рассмотрены пути формирования солидарного общества в Российской Федерации. Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф.,

Шаповалова В.К. говорят о социальной интеграции с точки зрения определенной меры схожих интересов и целей у людей из разных социальных групп.

Социальная интеграция общества, согласно взглядам Заславской Т.И., является фактором его устойчивого развития [55]. Процессы интеграции в полиэтническом российском обществе изучала Дробижева Л.М. [43, 44, 45, 46].

В то же время можно сказать, что в российском контексте, проблема социальной интеграции является недостаточно разработанной [163]. Фундаментальные исследования проблемы социальной сплоченности важны для «разработки пророссийской концепции сплочения общества, выявления зависимостей социальных процессов, определения социально-интеграционных принципов, подходов с учетом специфического многообразия мирового опыта и уникальности собственно российской ситуации» [8].

В современной научной литературе нет единого определения социальной интеграции. Чаще всего «социальную интеграцию» рассматривают как «состояние и процесс объединения в единое целое ранее разрозненных частей и элементов системы, на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости», а также «процесс гармонизации отношений между различными социальными группами» [29]. Зайцев Д.В. под социальной интеграцией понимает «процесс системного включения индивида в социокультурные отношения посредством организации совместной интерперсональной деятельности с целью удовлетворения комплекса потребностей» [52, С.31]. Ее успешность определяется степенью взаимной симпатии, принятия и установления доверия в процессе совместной деятельности.

Селиванова Ю.В. и Зайцев Д.В. в научной работе «Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия» утверждают, что на последовательность и успешность процесса интеграции оказывают влияния различные факторы, на которые в свою очередь воздействуют: онтогенетический потенциал личности, собственная активность индивида, семья, среда неформального общения, местожительство, географическое расположение региона, социокультурное воздействие, экономические факторы [131].

Социальная интеграция – это процесс включения индивида в различные социальные группы и отношения посредством организации совместной деятельности (игровой, образовательной, трудовой, досуговой и т.д.) [131]. Для социальной интеграции характерны гармоничные, упорядоченные отношения (между индивидами, группами, классами, национальностями, государствами), стремление к минимизации каких-либо конфликтов, к социальной сплоченности, к принятию индивида другими членами группы. Социальная интеграция предполагает единство разнообразия, основывается на разных формах принуждения и стихийно возникшей солидарности.

Существует четыре типа социальной интеграции (культурная, нормативная, коммуникативная, функциональная).

Интеграция – это заключительный этап встраивания индивида в принимающее сообщество, предполагает включение в социальную жизнь, адаптацию к языковой среде и нормам поведения, встраивание в рынок труда, реализацию прав и обязанностей в соответствии с правовым статусом и включение в институты принимающей стороны.

Высокий уровень социальной интеграции в обществе основывается на толерантности, уважении многообразия, социальной солидарности.

Интеграция не разрушает социальное разнообразие, «самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из единства разнообразия, формирования целостности на основе совпадения целей и интересов» [31].

Для полной интеграции необходима личная идентификация с обществом (то, что называется «чувством причастности») и осознание большей части населения того, что представители меньшинств точно также являются полноправными членами общества [9]. Механизм формирования социальной интеграции осуществляется только в процессе совместной деятельности, именно он вовлекает человека в разные социальные группы и отношения. В результате взаимовлияния и изменения компонентов и структур социальной интеграции в

ее процессе формируются отношения системности. Посредством интеграции отражена совокупность взаимодействий индивида и социокультурной среды.

Для успешной интеграции индивида, он должен выполнять определенные действия, которые позволят ему войти в социокультурные взаимодействия общества. При этом, в социуме также должны создаваться условия для его интеграции. Интеграция не может формироваться односторонне, это двусторонний процесс, то есть для сближения люди должны идти навстречу друг другу.

В данной работе под социальной интеграцией населения приграничного региона России понимается процесс включения индивидов во все сферы жизнедеятельности общества, успешность которого зависит от гармоничных межличностных, межгрупповых, межкультурных взаимоотношений на территории приграничного региона.

Шиняева О.В. и Каюмова Л.Х. называют три уровня, на которых возможно формирование отношений доверия и социальной интеграции:

уровень коллектива, к которому можно отнести трудовой или учебный коллектив. На данном уровне необходимо решение задачи формирования благоприятного климата внутри коллектива, а также социально-ориентированной корпоративной культуры;

уровень местного сообщества, на котором происходит формирование модели развития муниципальных образований;

уровень региона и общества в целом, в рамках которого складывается система доверительных отношений между государством и институтами гражданского общества [163].

Основными векторами (дез)интеграционных процессов в полиэтничном обществе в условиях непосредственного глобального риска Жаде З.А. называет следующие блоки:

«информационно-коммуникационный» (степень открытости власти перед обществом),

«компетентность» (адекватность принимаемых решений),

«доверие» (институциональное доверие, выполнение обещаний) [49].

Социальная интеграция создает необходимые условия для стабильного развития и обеспечения как общих, так и индивидуальных интересов членов общества. Наиболее существенные факторы, обуславливающие социально-дезинтеграционные процессы, не позволяющие российскому обществу ощущать себя единым публичным коллективом, называет Упоров И.В., среди них:

особенности внутренней миграции населения, которые приводят к разделению страны на две части: отдающей (северо-восточная часть) и принимающей (юго-западная), что создает проблемы, в том числе перекосы в урбанистическом развитии населенных пунктов; к появлению мега-конгломераций, которые характеризуются большой концентрацией населения, и в то же время опустению дальних восточных районов, периферийных поселений европейской части России;

экономическое неравенство регионов России, при их формальном политическом равенстве, в том числе углубляющаяся имущественная стратификация граждан России;

отсутствие цели дальнейшего поступательного развития всего российского общества [146].

Алешина М.В. говорит о том, что процесс социальной инклюзии (включения) можно понимать, как оптимальную степень (или этап) социальной интеграции. Социальная интеграция личности происходит посредством: частичной интеграции (эпизодической, парциальной), полной интеграции (является предпосылкой социальной солидаризации и социальной сплоченности в будущем) [8]. Доверие и сплоченность (как два модуса человеческого капитала) являются индикаторами интеграционных процессов общества, их синергия формирует целостное наполнение происходящих изменений [159, 47].

Зубова Е.А. называет этапы социальной интеграции (дошкольный, школьный, постшкольный, этап личностной зрелости и этап геронтогенеза), в рамках которых указывает на различные виды интеграции:

первичная, вторичная социальная интеграция;

пассивная, активная;

вертикальная, горизонтальная [59].

Факторы, которые (с условием их системности) способны оказывать содействие интеграции и кооперации населения России, выделяет Тихомирова Е.С.:

«тип (способ) модернизации»,

«ценностная система общества»,

«развитие этики и нравственного сознания»,

«человек и его развитие» [141].

О выделении различных величин интеграции: познавательной, структурной, социальной, идентификационной говорит Ким С.Г. [66]

Попов М.Е. (д-р филос. наук) и Попова С.В. (канд. филос. наук) называют три базовых измерения социокультурной интеграции:

социально-психологическое (совокупность внутренних процессов, состояний и последствий вхождения в новую среду);

этнокультурное (совокупность внешних поведенческих следствий связи адаптантов с новым окружением);

социально-экономическое (наличие или отсутствие работы, профессиональный уровень, материальное положение).

В совокупности данные измерения показывают диалектичность социокультурной интеграции (внутренняя сторона выражена в социально-психологическом ощущении индивидов, внешняя – в культурной интеграции, в вовлеченности в социокультурную жизнь общества.

Авторы называют пять индикаторов социокультурной интеграции (как результата успешной культурной адаптации):

1. Удовлетворенность своим положением.
2. Освоение ценностей, норм, стандартов поведения принимающего сообщества.
3. Овладение другим языком.

4. Паритетное общение и взаимодействие с представителями принимающего большинства.
5. Полноценное участие в социальной и культурной жизни нового общества [107].

Константинова Л.В. выделяет следующие уровни социальной интеграции:

1. Микроуровень (реализуется в сфере межиндивидуального и межгруппового взаимодействия).
2. Мезоуровень (уровень внутриинституциональной и межинституциональной социальной интеграции).
3. Макроуровень (направлен на интеграцию общества в целом, на формирование и поддержание его как единой социальной системы) [72].

Наибольшую значимость в данной диссертационной работе имеют индивидуально-личностный, социально-групповой, институциональный уровни социальной интеграции населения.

Существуют различные виды интеграции. Лубский А.В. и Посухова О.Ю. говорят о национальной интеграции и ее моделях. В своих работах они рассматривают национальную интеграцию как процесс объединения национального сообщества в единое целое, которое происходит в результате формирования нации в рамках государственного образования [77].

Одним из видов социальной интеграции является межэтническая интеграция. Межэтническая интеграция может неоднозначно влиять на социально-экономическую ситуацию и вызывать в обществе разнообразные конфликты, поводом для которых может служить, например, разный уровень жизни, или неприятие особенностей культуры другого народа, разное вероисповедание, предрассудки и стереотипы обыденного сознания и прочее [92]. Межэтническая интеграция является важнейшим фактором социально-культурной, социально-политической динамики развития как всего общества, так и отдельных этносоциумов [130].

Взаимодействие различающихся между собой этносов на одной территории, приводит к появлению у них определенных общих черт, в

результате чего появляются особые межэтнические общности – группы этносов с элементами общего самосознания. Это характерно для длительно существующих полиэтнических государств (например, Римской империи, Османской империи). В ходе межэтнической интеграции многонациональная общность складывалась в Советском Союзе и продолжает формироваться в России на основе общей территории, языка, образа жизни, общих интересов. Россияне – это многонациональная, полиэтническая общность, объединяющая более 150 народов и этносов. Высокий уровень межэтнической интеграции способствует созданию благоприятного климата сосуществования людей разных национальностей.

Межэтническая интеграция личности – это внутреннее, не навязанное осознание принадлежности к своему этносу, тесная связь (языковая, психологическая, культурная) с другими этносами, живущими рядом.

Межэтническая интеграция рассматривается в науке и как процесс, и как результат. Представляет собой процесс объединения различных этносов, наций в новую целостную систему, для которой характерно гармоничное сочетание межличностных, межгрупповых, межкультурных взаимоотношений. Для успешности данного процесса необходимо активное личное участие каждого члена общества. Кроме того, межэтническая интеграция – это состояние межэтнических отношений, характеризующееся гармоничностью, целостностью, организованностью и динамикой [127].

Для нашей большой страны важную роль играет то, насколько успешно социальная, в том числе межэтническая интеграция, проходит в регионах, современная ситуация в которых характеризуется сильнейшей дифференциацией по уровню развития, экономической специализации, социальной структуре населения. Субъекты Российской Федерации – это «ключевые акторы, определяющие вектор безопасного существования и развития страны» [13]. Приграничные регионы как буферные зоны, находящиеся между экономическими, политическими и культурными границами, имеют свои

особенности, актуальные для изучения в контексте модернизации российского общества [100].

Социальная интеграция населения, на которую влияют различные факторы, один из которых – миграция, имеет определенную специфику в приграничных регионах страны. Приграничные субъекты – это «регионы, которые примыкают к сухопутной границе, либо к пограничным или территориальным водам, по которым проходит линия разграничения территории государства; содержащие участок пограничной зоны» [19].

Важно учитывать, что для России, как полиэтнического государства, проблема интеграции – это не только включение мигрантов в принимающее сообщество. В условиях притока мигрантов, актуализируется этническая идентичность местного населения. Процесс интеграции заключается в формировании новой идентичности, приемлемой как для этнических меньшинств, так и для доминирующего большинства [164].

Миграция населения как сложное явление оказывает неоднозначное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране и ее регионах. Миграционный приток, с одной стороны компенсирует демографические потери страны и восполняет нарастающий дефицит рабочей силы. С другой стороны, стоит отметить негативные результаты влияния миграции, которые могут проявляться в нелегальной миграции, размывании и маргинализации социально-культурных ценностей населения, оттоке квалифицированных специалистов и других проблемах [81].

В процессе миграции участвуют две стороны: это мигранты, которые занимают активную позицию, и принимающее население, у которого позиция пассивная. Зимина Н.С. под «принимающим сообществом» понимает «общность людей в природной окружающей среде, которая обладает географическими, политическими и социокультурными границами, развитым общением внутри общности, признаками определенной солидарности и идентичности» [56]. В качестве синонимов представлены понятия «принимающая среда», «местное сообщество», «местное население». Для мигрантов и принимающего населения

необходимо взаимное приспособление друг к другу путем непосредственного взаимодействия [21].

Интеграция – это процесс, посредством которого происходит адаптация мигрантов и принимающего сообщества друг к другу [177, 105]. Авторы Сарыглар С.А., Максимова С.Г. определяют интеграцию мигрантов как «полное включение мигранта в различные сферы жизни принимающего сообщества, двусторонний процесс, основанный на беспрепятственном функционировании в обществе прав, свобод и обязанностей мигрантов и местного населения» [129]. Часто интеграция мигранта связана с получением им права на проживание в стране (временное или постоянное), с получением гражданства данной страны. Отмечена стадийная связь адаптации и интеграции мигранта: только тот мигрант, которому удалось адаптироваться к условиям местного сообщества сможет постепенно интегрироваться и стать его полноправным членом [167].

Поиск индикаторов интеграции мигрантов активно велся с 1990-х гг. в Европейском Союзе, в 2010 году они были прописаны в Сарагосской декларации и характеризовали четыре направления:

занятость (ключевые индикаторы – уровень занятости, уровень безработицы, уровень экономической активности);

образование (наивысший уровень образования, доля учащихся с низкими показателями в чтении, математике и точных науках среди 15-летних, доля лиц в возрасте 30-34 лет с третичным образованием, доля лиц, рано оставивших учебу);

социальная включенность (медианный уровень дохода, коэффициент риска бедности, доля населения, считающего состояние своего здоровья хорошим или плохим, соотношение владельцев недвижимости к не владеющим недвижимостью среди мигрантов и всего населения);

активное гражданство (доля мигрантов, получивших гражданство, доля иммигрантов, имеющих постоянное или долгосрочное разрешение на проживание, доля иммигрантов на выборных должностях) [93].

В 2015 году в совместной публикации ОЭСР и Европейской комиссии были представлены сравнительные данные по интеграции иммигрантов и их детей с помощью 27 показателей в пяти сферах (занятость, образование и навыки, социальная интеграция, гражданская активность, социальная сплоченность) [176].

Уникальным инструментом, измеряющим политику интеграции мигрантов, является MIREX (Индекс политики интеграции мигрантов). В пятом издании представлены базовые показатели, описывающие ситуацию в странах на шести континентах за период 2014-2019 гг. Оценка MIREX основана на наборе показателей, которые характеризуют 8 областей политики: образование, положение на рынке труда, доступ к услугам здравоохранения, воссоединение с семьей, долгосрочность пребывания, гражданство, защита от дискриминации, участие в жизни страны [181]. В России оценка интеграции по MIREX проводилась только в 2010 году.

Воронова М.В. и Воронов В.В. в результате исследования приходят к выводу, что полноценная интеграция мигрантов возможна при определенных факторах, среди которых: благоприятные условия для успешного взаимодействия мигрантов с социальными институтами, возможность защиты своих прав и интересов, отсутствие ущемления прав при трудоустройстве, беспристрастная работа средств массовой информации, отсутствие каких-либо проблем, барьеров при взаимодействии переселенцев с принимающим обществом, отсутствие этнических анклавов, профилактика преступности на национальной почве [27]. Факторами, влияющими на интеграцию мигрантов, являются: характеристики мигрантов, этнические особенности среды исхода мигрантов; характер транснациональных сетей и сообществ; структура рынка труда принимающего общества; структура возможностей принимающего общества (социально-культурные и экономические характеристики принимающей среды с региональной спецификой) [147].

Исследователями выявлено, что греки, казахи, армяне и азербайджанцы являются наиболее адаптированными этническими группами в России. Это

может быть результатом того, что они долгое время жили на территории страны, они часто выступают представителями органов власти, силовых структур, для них характерен низкий уровень конфликтности с представителями других национальностей и с принимающим сообществом [27, 40].

Процесс интеграции мигрантов рассматривается в научной литературе, как многосторонний процесс, который состоит из совокупности разных факторов (экономического, социального, культурного, религиозного и других). Это сложный, многогранный, длительный процесс, результат которого зависит как от стремлений самих мигрантов (повышение уровня владения языком, изучение истории и культуры, освоение основ законодательства, традиций, обычаев, правил и норм поведения, активная жизненная позиция), так и от принимающего сообщества (толерантное, уважительное отношение, понимание, готовность к взаимопомощи) [126].

На изучение интеграционного потенциала принимающего общества и мигрантов направлена работа Арутюновой Е.М. и Кузнецова И.М., в рамках которой они рассматривают интеграционный потенциал принимающего населения как «совокупность характеристик, определяющих готовность местного населения принимать у себя инокультурных и иноконфессиональных приезжих, а также ожидания-требования принимающего населения к желаемому поведению и образу жизни мигрантов», а интеграционный потенциал мигрантов понимают как «совокупность диспозиций, сигнализирующих об их готовности стать признанными, лояльными членами принимающего сообщества, с одной стороны, и ожидания того, что принимающее сообщество, со своей стороны, готово принять в том или ином виде некоторые поведенческие и мировоззренческие особенности, от которых данная группа мигрантов не может отказаться полностью без потери своей этнической (а иногда и личностной) определённости - с другой» [14].

Высокий уровень социальной интеграции мигрантов зависит от различных внутренних и внешних обстоятельств. Исследователи (Сарыглар С.А., Максимова С.Г.) к важным факторам, положительно влияющим на социальную

интеграцию переселенцев относят удовлетворенность отношениями с членами своих семей, доверие к окружающим людям, а также к общественным национально-культурным организациям, миграционный опыт [128]. Авторы специфику социальной интеграции мигрантов в приграничных регионах России анализируют, используя показатели: усвоение социальных норм и ценностей местного населения; усвоение образцов, правил поведения местного населения; знание истории, культуры принимающего сообщества; взаимоотношения с представителями диаспор в данном регионе [129].

При достижении стабильности развития общества большое значение приобретает интеграционная политика, которая должна осуществляться на всех уровнях власти, а также необходимость особых подходов к адаптации и интеграции мигрантов на приграничных территориях [18].

В связи с полиэтничностью, результатами процессов миграции может происходить уменьшение интегрирующего потенциала культуры русских, что способствует увеличению уровня противоречий на национальной почве, и нарастанию конфликтов. Это свидетельствует об актуальности выявления роли и значимости институтов гражданского общества в межэтнических отношениях и социальной интеграции [83].

Ключевыми компонентами гражданского общества Каюмова Л.Х. называет некоммерческие организации и их социальный капитал. «Социальная интеграция является индикатором состояния гражданского общества, основанного на инициативах «снизу». Количество и состав некоммерческих организаций влияют на укрепление сплоченности населения» [65, 163].

В общественном развитии регионов важную роль играют национально-культурные объединения – «самоуправляемые объединения граждан, представителей национальных общностей, проживающих в иноэтническом окружении и реализующих право на национально-культурное самоопределение, которое создается в целях сохранения национально-культурной идентичности, развития национального самосознания, языка, образования, обычаев и обрядов» [108, 117].

Согласно законодательству Российской Федерации, народы и иные этнические общности в Российской Федерации имеют право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания [4]. Национально-культурная автономия в Российской Федерации – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов [3].

Данные организации существуют в разных формах. Это могут быть национально-культурные движения, национально-культурные центры, общины коренных малочисленных народов, национальные землячества и пр. [4]. «Организация национальных общностей во вне-территориальные союзы на личной, персональной основе, совершаемое независимо от численности и наличия территории компактного проживания, превращает национальные меньшинства из объектов в субъект права и открывает перспективу реального удовлетворения их специфических культурных, языковых и религиозных интересов» [106].

Впервые идея национально-культурной автономии была подробно разработана в рамках концепции национально-культурной автономии в рамках австромарксизма. Основы этой теории заложены в работах австрийских политических деятелей, теоретиков австромарксизма Реннера К. («Государство и нация», 1899 г.) и Бауэра О. («Национальный вопрос и социал-демократия», 1907 г.). Эта концепция основана на «принципе персональности» (принцип добровольной этнической самоидентификации) и экстерриториальности (не

связанности территории). Подробному комплексному описанию проблем национально-культурной автономии в России посвящена работа Хабриевой Т.Я., в которой автор рассматривает теоретические и практические проблемы национально-культурных организаций, анализирует нормативно-правовую базу по данной тематике [150]. Осипов А.Г. в своих работах рассматривает идеи национально-культурной автономии для этнических групп, ее роль в публичных дискуссиях об организации этнического многообразия и ее влияния на практическую политику [101].

В научной литературе национально-культурные организации подразделяют по методам решения проблем на «моралистские» (которые решают проблемы в сфере межэтнического взаимодействия преимущественно посредством диалога с представителями власти) и «фундаменталистские» (как правило, такие организации, обращаются к противоправным методам) [145].

Также национально-культурные организации типологизируются по территориальному признаку [120].

Количество национально-культурных автономий к концу 2012 года составило 979 организаций, а к концу 2017 года увеличилось до 1248 [158]. На февраль 2019 года их количество составляло 1232 организации, на сентябрь 2021 года – 1248 организаций [99]. Количество национально-культурных объединений постоянно увеличивается, что свидетельствует о высоком уровне их значимости.

На Заседании Совета по межнациональным отношениям, которое состоялось в июле 2017 года в Йошкар-Оле, Кандыбович С., председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России утверждает: «В России национально-культурная автономия сегодня – это реальный действующий резерв межнационального мира и стабильности, развития связей между Россией и странами ближнего зарубежья» [54].

Руководители национально-культурных организаций должны способствовать процессам адаптации и интеграции переселенцев. Воронина Н.А. предлагает одним из важным направлением их работы – организацию

эффективной деятельности волонтеров (из числа наиболее образованных, имеющих активную жизненную позицию мигрантов) с вновь прибывшими мигрантами.

Потребность в интеграции в общество является насущной для каждого человека. Исследование проблемы понимания природы социальной интеграции, ее факторов, типов и специфики интеграционных процессов становится объективной необходимостью и важнейшим условием устойчивого развития современного российского общества. Государственная национальная политика должна быть нацелена на поиск путей совершенствования социально-интеграционных условий и механизмов данного процесса [156, 157].

Таким образом, процесс социальной интеграции населения давно изучается учеными и исследователями из разных областей науки. Процессы социальной интеграции подробно рассматриваются в работах зарубежных и отечественных авторов. В науке существует множество теорий, которые изучают социальную интеграцию с точки зрения разных аспектов, что позволяет представить ее как сложное явление общественной жизни. Однако, единой теории, которая дает четкое определение понятию «социальная интеграция», а также называет основные универсальные критерии для интеграции индивида и общества в целом, в научной литературе нет.

Основными теоретико-методологическими подходами, которые используются в диссертации, являются структурный функционализм (Парсонс Т.), теория структуризации (Гидденс Э.) и модель развития межкультурной чувствительности (Беннет М.).

В данной работе под социальной интеграцией населения приграничного региона России понимается процесс включения индивидов во все сферы жизнедеятельности общества, успешность которого зависит от гармоничных межличностных, межгрупповых, межкультурных взаимоотношений на территории приграничного региона. Социальную интеграцию целесообразно рассматривать на различных уровнях, среди которых наибольшую значимость в

данном исследовании имеют индивидуально-личностный, социально-групповой, институциональный.

Для России значимым является то, насколько успешно социальная интеграция проходит в ее регионах, особенно тех, которые носят приграничный характер и имеют определенные особенности, преимущества и ограничения. На социальную интеграцию населения в приграничных регионах России влияют особенности проявления межэтнических отношений, а также процессов миграции населения на таких территориях. Большое значение приобретает интеграционная политика. Успешной социальной интеграции населения способствует активная плодотворная деятельность национально-культурных организаций. В последнее время их количество постоянно увеличивается, что свидетельствует о их высоком уровне значимости.

1.2. Теоретические основы изучения межэтнического взаимодействия в современном обществе

При изучении межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения необходимо выделить и охарактеризовать основные понятия, связанные с ним («этнос», «нация», «межнациональные отношения», «межэтническое взаимодействие», «межэтнические отношения»).

Единого общепринятого определения понятия «этнос» в современном научном обществе нет. Разные авторы в своих трактовках выделяют различные признаки (происхождение, язык, культуру, территорию проживания, менталитет и др.).

Согласно, Широкогорову С.М. «этнос» – это группа людей, говорящих на одном языке, признающих общность происхождения, обладающих общим укладом жизни, обычаями, отличающих их от других. Автор рассматривает этнос как биологический вид, считает, что в основе его жизни лежат биологические факторы [142].

В начале 70-х гг. XX в. в науке развернулась дискуссия вокруг понимания этноса и этничности. Были выделены две точки зрения. С одной стороны, этнос рассматривался как биологический субъект, популяция. В отечественной науке её придерживался автор пассионарной теории энтогенеза Гумилёв Л.Н. Он представляет этнос как биологическую популяцию, как живое существо, у которого есть начало, рождение, подъем, зрелость, угасание и старость [36]. Согласно второй точки зрения, этнос рассматривается как социальное явление, управляется общественными законами, но в то же время имеет тесную связь с определенной человеческой популяцией как биологической общностью. Её представителем является Бромлей Ю.В., автор дуалистической теории этноса. В своей работе «Очерки теории этноса» он представляет этнос как устойчивую межпоколенную совокупность людей, которые имеют общие черты, характеристики культуры и психики, самосознание, определенную территорию [24].

Важно сказать об информационной концепции этноса Чебоксаровой Н.Н. и Арутюнова С.А., которая образована на предположении, что все этнические общины основаны на механизме информационных связей: речь, показ, подражание [125].

А также о системно-статистической, или компонентной, теории этноса Маркова Г.Е. и Пименова В.В., в рамках которой этнос определяется как исторически возникшая и эволюционирующая сложная социальная система, способная к самовоспроизводству и саморегуляции и обладающая многосоставной структурой, элементами которой являются расселение этноса, его воспроизводство, демографическая структура, язык, формы речевой деятельности, создание и сохранение культуры, быт и т.д. Эти компоненты также имеют сложное строение, и все они взаимосвязаны между собой [125].

Проанализировав и обобщив вышеописанные и другие теории и концепции этноса, Садохин А.П. и Грушевицкая Т.Г. пришли к выводу, что этнос – это биосоциальная общность людей, которая обладает определенными этнодифференцирующими признаками:

этнонимом,
этнокультурными особенностями,
антропо-психологическими признаками,
единством территории.

«В зависимости от сочетаний этих признаков в различных комбинациях и соотношениях друг с другом в этнологии принято выделять три основных исторических типа этносов: племя, народность, нация. Каждый из этих типов соответствовал определенной стадии исторического процесса: племя – первобытной; народность – рабовладельческой и феодальной; нация – капиталистической формациям. В современной этнической картине мира присутствуют все эти типы этносов» [124].

В связи с тем, что такой тип этноса, как нация наиболее распространен во всём мире и непосредственно в нашей стране в современной науке именно его изучению уделяется наибольшее внимание, а понятия «межэтническое» и

«межнациональное» зачастую воспринимают как синонимы. Слова «народ», «этнос», «нация» часто считают синонимами. Однако необходимо четко понимать, что они не являются полностью тождественными [132, 133].

В настоящей работе для нас особый интерес представляет межэтническое взаимодействие, важно охарактеризовать данное понятие и определить его границы.

Упоминание о взаимодействии можно найти у классиков социологии. Дюркгейм Э. характеризовал связи, объединяющие и притягивающие людей; Конт О. утверждал, что взаимодействие – обязательный элемент общественной структуры; Вебер М. описывал мотивы социального взаимодействия; Сорокин П. более подробно анализировал сущность взаимодействия и т.д.

Взаимодействие определяется как сложная философская категория, которая является определенным отражением процессов воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого.

Процесс социального взаимодействия и его регулирование в социологии выступает одним из центральных, его анализу посвящено много теоретических подходов. В работах Дюркгейма Э. общество рассматривается как ценностно-нормативная система, система символов, обеспечивающих интеграцию и взаимодействие между людьми. Согласно структурному функционализму (Мертон Р., Парсонс Т., Редклифф-Браун А.) социальное взаимодействие состоит из элементов (любых устойчивых образцов деятельности людей), которые выполняя свои конкретные функции, существуют в рамках целостной структуры общества.

Феноменологическая социология (Шюц А.) рассматривает социальное взаимодействие, как процесс координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, характерным для их жизненного опыта. Успешным взаимодействие считается тогда, когда участники готовы встать на позицию другого (идентифицировать себя с его жизненной ситуацией). Для этого взаимодействующие должны владеть языком другого, знать особенности его культуры.

В теории обмена (Блау П., Хоманс Дж.) взаимодействие между людьми рассматривается как обмен «выгодами». Концепция управления впечатлениями (Гофман И.) показывает, что в процессе взаимодействия, люди сами создают ситуации, создавая впечатления о себе (с помощью разнообразных «шоу»). Этнометодология (Гарфинкель Г.) в рамках взаимодействия изучает смысл языка, правила и нормы поведения в обществе. Межкультурное взаимодействие как фактор становления единства всемирно-исторического процесса рассматривают Ларченко С.Г., Еремин С.Н. [75]. Символический интеракционизм (Блумер Г., Кули Ч., Мид Дж.) характеризует взаимодействие между людьми, прежде всего, через символическое содержание. Люди, взаимодействуя друг с другом, руководствуются символическими значениями, которые они придают различным объектам. Символы – это продукты социального взаимодействия между людьми.

Социальные взаимодействия происходят во всех сферах жизни человека и общества: в экономической, политической, профессиональной, религиозной, демографической сфере и пр.

В общем виде выделяют несколько типов социального взаимодействия:

- контркультурное,
- среди социальных групп и классов,
- между представителями различных демографических групп,
- между жителями города и села,
- региональное,
- в деловой (профессиональной) культуре,
- межэтническое (общение между представителями различных этнических уровней) [35].

Иногда понятия «межэтническое взаимодействие» и «межэтническое отношение» считают синонимами. На наш взгляд, это не совсем верно. Понятие межэтнические отношения понимаются как широкие общественные связи (экономические, социально-политические, государственно-правовые, идеологические, культурные) между этническими общностями, которые

функционируют не только на институциональном уровне как общественные отношения, но также опосредуются индивидуально-личностными особенностями человека, т.к. существуют в виде реальных социально-психологических связей людей в ежедневном взаимодействии [15]. Межэтнические отношения – это субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей [62].

Межэтнические отношения рассматривают в узком, и в широком смысле:

в широком смысле – это взаимодействие народов в разных сферах общества (в политике, в культуре, в экономической жизни и т.д.);

в узком смысле – это межличностные отношения представителей разных национальностей в различных сферах жизни.

«Межэтническое взаимодействие – это разнообразные контакты между этносами, которые приводят к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из этнических групп или их представителей, которые взаимодействуют между собой, и к интеграции их определенных свойств» [123].

Таким образом, понятие «межэтническое взаимодействие» представляется как более точное. В то же время, межэтническое взаимодействие является достаточно сложным явлением. Имеет три формы своего проявления (кооперация, конкуренция, конфликт).

В данной работе межэтнические взаимодействия понимаются как взаимоотношения между представителями разных этносов, происходящие во всех сферах общественной жизни.

Сорокин П. выделил солидарное (согласное) взаимодействие (стремления обеих сторон совпадают) и антагонистическое (враждебное) (одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны) [135].

Общество, где преобладает антагонистическое взаимодействие между разными группами, как правило, приводит к насилию, унижению одних групп другими, и как следствие к войне. Жить в солидарном обществе намного комфортнее.

Виды межэтнического взаимодействия: содействие, воздействие, противодействие, которые в свою очередь имеют переходные формы [123].

1. Содействие (характеризуется тем, что представители разных этносов поддерживают друг друга, приходят на помощь, достигают единства в намерениях). Является наиболее безобидным взаимодействием, высшая форма – сотрудничество.

2. Воздействие (определяется влиянием одного этноса, который является доминирующим, на другой, пассивный). Воздействие может привести к этнической интеграции (процессу сближения этнических общностей), к процессу консолидации – «слиянию близких по языку и культуре этносов или частей этносов в более крупную этническую общность или включение в уже сформировавшийся этнос близкой ему этнической группы» [74]. А иногда даже преобразиться в ассимиляцию. «Этническая ассимиляция – процесс усвоения представителями той или иной национальности языка, культуры, обычаев, традиций и т.д. другой национальности, в результате чего происходит потеря ими своего языка, культуры, обычаев, традиций и изменение самосознания их этнической принадлежности» [165].

3. Противодействие (характеризуется препятствием действиям другого этноса, противоречием в позициях, созданием ему помех). Такое взаимодействие может приобретать форму дискриминации. «Межэтническая дискриминация – ограничение прав группы граждан в силу их этнических (национальных) различий» [74]. Дискриминация может происходить через культуру (отрицание ценностей других), через образование (ограниченный доступ к образованию, невозможность изучать родной язык и т.п.), через социальную сферу (ограничение гарантий и прав человека), через экономическую сферу и т.д. Этот процесс может привести к неравенству в обществе, к преобладанию возможностей и интересов одной этнической группы над другой, что способствует проявлению агрессии и насилия. В таком случае, дискриминация может привести к сегрегации. Этническая сегрегация – политика принудительного отделения одной части общества от другой, ущемление прав на

основе национальной, расовой принадлежности, насильственное переселение на специально выделенные территории [90].

Крайней формой противодействия является геноцид. Под геноцидом понимается истребление национальных, этнических, расовых или религиозных групп населения, создание нетерпимых условий для их жизни, рассчитанных на их физическое уничтожение [110]. Безусловно, современные цивилизованные общества пытаются не допустить данного явления.

В работах Романенко Н.М. взаимоотношения между этносами представлены как позитивные, индифферентные (безразличные, равнодушные) и негативные [118, 119].

Кроме различных видов и форм межэтнического взаимодействия, тип участия субъекта в межэтническом процессе также может быть различным. Хабибуллина А.Р. называет следующие типы межэтнического контакта: этническая адаптация, этническая аккультурация [149].

Очень важным является процесс «этнокультурной социализации» – это «единый неразрывный процесс вхождения индивида в культуру родного народа, сопровождающийся приобщением к общечеловеческой культуре, формированием этнокультурной компетенции и открытости к культуре других этнических общностей» [69].

Результатом успешной этнокультурной социализации является этнокультурная компетентность, которая представляет собой интегральное свойство личности, отражающееся в совокупности знаний и представлений об этнокультуре (как родной, так и неродной), опыте овладения этнокультурными ценностями, проявляющееся в умениях, навыках, моделях поведения в моноэтнической и полиэтнической среде [16].

Такие авторы, как Попков В.Д., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. говорят о трех уровнях общения, в котором уровни взаимодействия типологизируются по их возможным каналам: коммуникативный, интерактивный, перцептивный уровни [35].

В независимости от выделенных уровней межэтнического взаимодействия, на него может влиять целый ряд факторов, среди которых социальные, культурные, психологические (личностные), исторические и ситуативные.

Социальные факторы, среди которых можно выделить:

социально-структурные факторы (влияние социально-структурных изменений, взаимосвязь социальной и этнической стратификации, этнический фактор в социальной мобильности);

социально-психологические факторы (толерантность в межэтнических отношениях);

социально-демографические факторы (передвижение этнических групп в результате трудовой миграции, изменение численности народов, количество межэтнических браков, уровень рождаемости в таких семьях, разный уровень доходов среди разных этнических групп).

Культурные факторы, к которым можно отнести традиции, обычаи, нормы поведения различных этнических групп и нормы взаимодействия с другими группами. Большую роль в формировании и регуляции межэтнических отношений играет образование, просвещение, средства массовой информации.

Психологические факторы связаны с личностным отношением.

Исторические факторы. На протяжении всего развития человечества складывались различные исторические события, которые, так или иначе, влияли на положение как внутри страны, так и между странами. Исторические факторы могут проявляться как крупные события, ставшие тем или иным символом в развитии народа, сам процесс события, особенности развития народа в ходе исторического события. Они могут выступать поводом для сплочения различных народов, но нередко приводят и к раздору в отношениях. Так или иначе, в межэтническом взаимодействии исторические факторы играют важную роль.

Ситуативный фактор заключается в стечении определенных политических, экономических социальных обстоятельств, которые, так или иначе, влияют на межэтническое взаимодействие.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. и Сусоколов А.А. к историческим, социальным, культурным, психологическим (личностным) и ситуативным добавляют еще и политический фактор [15].

Политические факторы влияния на межэтническое взаимодействие проявляются через характер политического строя (демократический, тоталитарный или авторитарный), элиту (так как она является образцом поведения), формы государственного устройства, от представленности этнических групп в структурах власти, наличия националистических партий.

Различные социально-психологические факторы в ряде зарубежных исследований рассматриваются как значимые в межэтнических взаимодействиях и влияющие на возрастание межэтнической напряженности [186, 188].

Рассмотренные факторы, так или иначе, оказывают определенное влияние на межэтнические взаимодействия, происходящие в современном обществе, соответственно через их регулирование, в определенной степени, можно влиять на регулирование межэтнических отношений, что в свою очередь крайне необходимо для предотвращения межнациональных конфликтов.

В современной России тема конфликтов на национальной почве актуальна. Этническое разнообразие в обществе может проявляться по-разному. Трофимова И.Н. в научной статье «К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах» говорит о том, что такое многообразие может приводить к двум противоположным перспективам: либо проявляться в совершенствовании социальных взаимодействий, либо в нарастании социальной напряженности [143]. Чувство принадлежности или, наоборот, противопоставление обществу исследователи рассматривают как основной механизм. Наиболее показательны межэтнические отношения проявляются в местном сообществе. Этническая гетерогенность и высокая динамика этнического состава определяют низкий уровень чувства сообщества и принадлежности к коммуне [169]. Более объективным считается утверждение, что рост этнического разнообразия (в зависимости от различных факторов) приводит к последствиям, связанными с развитием социального взаимодействия, усилением социальной

напряженности в обществе. По итогам исследования ученые отмечают, что негативные последствия роста этнического разнообразия проявляются у тех, кто ранее не взаимодействовал с людьми другой национальности [178].

В современной науке существует множество различных типологизаций межэтнических конфликтов. К одной из них относится типологизация Паина Э.А., Попова А.А., которые выделили «конфликты стереотипов», «конфликты идей» и «конфликты действий».

В «конфликте стереотипов» участники (группа) чувствуют определенное негативное отношение к другому участнику (группе), однако могут не осознавать причину этого.

Для «конфликта идей» характерно выдвижение притязаний, которые проявляются в СМИ, литературе, обосновывается «историческое право» на государственность.

К «конфликтам действий» относят демонстрации, митинги, пикеты, принятие институциональных решений вплоть до открытых столкновений [102].

Вартаньян Э.Г., утверждая о множественности природы межнациональных конфликтов, выделяет такие, как:

- политические,
- социально-экономические,
- территориальные,
- культурно-языковые [25].

Помимо вышеперечисленных типологий, в научной литературе существуют и другие, некоторые из них схожи, другие принципиально отличаются. Стоит отметить, что все типологизации имеют достаточно условный характер, ведь каждый конфликт является самостоятельным социально-историческим событием, в котором можно найти свойства, присущие и для других межэтнических конфликтов.

Для того, чтобы понимать, как предотвращать появление межнациональных конфликтов, как их урегулировать, смягчать последствия важно разобраться с причинами конфликтов. Причины межнационального конфликта могут быть

самые разнообразные. К ним относят территориальные споры, стремление к самоопределению, историческую память, конкуренцию между этносами в сфере разделения труда, борьбу за материальные ресурсы, миграцию. О том, что увеличение миграционных потоков влияет на рост различных социально-экономических проблем и увеличение вероятности межнациональных конфликтов, указывают зарубежные исследования (Grosu R., Liu J. H.) [174, 179].

Ученые говорят о разных классификациях причин межнациональных конфликтов. Жуков А.А. акцентирует внимание на разделении всех причин межнациональных конфликтов на два уровня. Первый уровень представляет собой первичные причины (общие, глубинные), объясняющиеся присущей человеку конкуренцией. Ко второму уровню относятся вторичные причины (частные, конкретные) – это экономические, политические, социальные, территориальные и др. [50].

Межэтнические конфликты возникают не сразу, а долгое время зреют под влиянием каких-либо причин. Факторы развития этнического конфликта: национальное самосознание, существование в обществе «критической» массы различных социальных проблем, наличие политических сил, которые используют два первых фактора в борьбе за власть [153].

В социологии, согласно мнению Денисовой Л.Л., причины межэтнических конфликтов «могут объясняться с помощью анализа этнических параметров, интересующих исследователя социальных групп конкретного этноса, с учетом взаимосвязи и взаимовлияния социальной стратификации общества и разделения труда с этническими характеристиками региона с потенциальной или реальной этнической напряженностью» [38].

Кокшаров Н.В. разделяет причины обострения межнациональной напряженности на объективные и субъективные. К объективным причинам автор относит: последствия серьёзных деформаций национальной политики; результат серьёзного ухудшения экономического положения в стране; следствие закостеневшей структуры государственного устройства, ослабления тех основ, на которых создавалась свободная федерация народов. Среди субъективных причин

Кокшаров Н.В. выделяет: социально-экономические, культурно-языковые, этнодемографические, этнотерриториально-статусные, исторические, межрелигиозные и межконфессиональные, сепаратистские [71].

Чтобы не допустить развитие межнациональных конфликтов в обществе, должно быть максимально гармонично межнациональное общение, которое является одним из базовых элементов межнациональных отношений. Согласно определению Бабейко Ф.С., межнациональное общение – это «обусловленная социальной потребностью активная деятельность наций и народностей по взаимному познанию и выражению своего отношения к национальному» [17, С. 19].

Межнациональные отношения в России и ее регионах являются важным объектом научного анализа последних десятилетий [160]. Особенности межэтнического взаимодействия имеют различия в зависимости от региона. Определенная специфика их проявления существует в приграничных территориях России. Завьялова М.Н. описывает характерные особенности проявления межнациональных отношений на приграничных территориях разных округов России.

Для приграничных регионов Северо-Кавказского федерального округа характерны высокая конфликтность, споры на фоне земельных конфликтов, вооруженные военные столкновения, силовые методы решения проблем, преимущество этнических элит, этнических кланов в политике. Это негативно влияет на межнациональные отношения в данном округе, повышают уровень конфликтности между представителями разных наций.

На межнациональные отношения жителей приграничных субъектов Северо-Западного федерального округа оказывает определенное влияние политико-правовое положение коренных малочисленных народов (а именно ситуация вокруг народов финно-угорской группы и поморов), которое носит скорее негативный характер.

Межнациональные отношения в приграничных регионах Южного федерального округа определяются рядом факторов, среди которых выделяется

положение группы с особым правовым статусом – казачество, а также процессы, связанные с активной миграцией в данные регионы (в том числе граждан Украины), и их последствия, которые зачастую носят негативный характер.

Отношения в Крымском федеральном округе характеризуются определенными особенностями, связанными с историей полуострова и его этническим составом. Крымский федеральный округ существовал с 2014 по 2016 год, в 2016 году включен в состав Южного федерального округа.

Взаимодействия между нациями в регионах Дальневосточного федерального округа определяются процессами, связанными с миграцией (в основном граждан Китайской народной республики) и ее последствиями, а также территориальным спором с Японией.

Межэтнические взаимодействия граничащих территорий Сибирского, Приволжского, Уральского, Центрального округов определяются влиянием социального, духовного, политического, экономического факторов.

Рассмотренные приграничные территории обладают определенными специфическими особенностями проявления межэтнических отношений.

Для приграничных регионов Северо-Западного, Сибирского, Приволжского, Уральского федеральных округов характерна относительно спокойная ситуация в сфере межэтнических отношений, для субъектов Дальневосточного, Северо-Кавказского, Центрального и Южного федеральных округов – более напряженная [51].

Характерные черты протекания этнических процессов в контексте социальной безопасности приграничных территорий России анализируют Горбунова А.А., Сарыглар С.А. Авторы представляют результаты социологического исследования, в котором респондентами анкетного опроса выступили жители приграничных регионов. Некоторые из них:

одним из определяющих факторов обеспечения национальной безопасности приграничных территорий выступает межнациональное согласие;

этнические процессы в приграничных регионах имеют свои особенности;

для населения сегодняшних приграничных регионов характерна позитивная моноэтническая идентичность;

для большинства приграничных регионов, которые участвовали в исследовании, свойственен некоторый уровень напряженности во взаимоотношениях между представителями различных национальностей [173].

Изучению различных факторов развития межэтнических взаимодействий в приграничных регионах России посвящены научные работы ученых Алтайского государственного университета (Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. и другие) [84, 180, 182]. По результатам исследования ученые делают определенные выводы, касающиеся межнационального общения на приграничных территориях страны. Межэтнические отношения характеризуются как бесконфликтные, однако отмечена низкая эффективность реализации национальной политики региона.

В полиэтническом пространстве современного отечественного социума необходимо изучать межэтнические взаимодействия народов, проживающих на одной территории [79]. Достижение гармонизации межэтнических отношений в России является необходимым условием укрепления и сохранения целостности страны [39]. На улучшение и гармонизацию межэтнических отношений в регионах и в стране в целом направлена деятельность политики России. Согласно главному закону страны, «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (п.2, ст.19 Конституции РФ). «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [1].

Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации представляет собой основной государственный орган, деятельность которого посвящена формированию курса государственной национальной политики [5]. «Мирное и благополучное сосуществование этносов в рамках полиэтнического государства должно обеспечиваться именно государством, а комплексная причина большинства современных проблем, связанных с этими отношениями, обусловлена недостатком внимания со стороны государственных органов, а также институтов гражданского общества (в том числе, различных национальных общин и прочих этнических объединений)» [144].

Таким образом, тема изучения межэтнического взаимодействия является актуальной для нашей страны, как многонационального государства. Под межэтническим взаимодействием понимаются взаимоотношения между представителями разных этносов, происходящие во всех сферах общественной жизни. Выделяют три вида межэтнического взаимодействия: содействие, воздействие, противодействие, каждый из которых имеет определенный диапазон проявления и переходные формы. На межэтнические взаимодействия влияют социальные, психологические, культурные факторы, посредством которых в определенной степени возможно уменьшить межэтническую напряженность в социуме. Предупреждению межнациональных конфликтов способствует высокий гармоничный уровень межнационального общения. Национальная политика Российской Федерации направлена на повышение культуры межэтнического общения, на развитие и укрепление межнациональных отношений, играющих важную роль в построении гармоничного гражданского общества, основанного на принципах равноправия народов.

1.3. Методика исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения

Социальная интеграция населения, толерантные межэтнические отношения, эффективная деятельность некоммерческих организаций – это важные показатели гражданского общества. Исследователи института социологии Российской академии наук межнациональное согласие рассматривают как ресурс интеграции российского общества [114].

В Алтайском крае данной теме уделяется много внимания со стороны ученых. Ежегодно проводится международная научная конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве». Регулярно реализуются научные исследования, направленные на изучение состояния социальной интеграции в регионе, тенденций в сфере межнациональных отношений, деятельности национально-культурных объединений края.

В рамках диссертационного исследования нами был проведен анализ научной литературы по изучаемой теме, использовались данные результатов Всероссийской переписи населения, материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, а также Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, сведения информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации. Рассмотрены данные ведущих социологических центров (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), проведен вторичный анализ результатов социологических исследований, проводимых ранее, изучены нормативно-правовые документы в данной отрасли, что позволяет изучить тему в комплексе.

Социологические исследования включали в себя проведение анкетного опроса населения и опроса экспертов на основе полуструктурированного интервью, которые были реализованы на территории Алтайского края на протяжении пяти лет (2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг.). Данные методы сбора информации соответствуют задачам исследования и позволяют получить полные и достоверные знания.

Анкетирование позволяет выявить текущее состояние какого-либо явления, оценить ситуацию в изучаемой сфере. Анкетный опрос населения является самым распространенным методом сбора данных в социологическом исследовании, в связи с тем, что с его помощью можно получить массив однотипной количественной информации от определенной совокупности людей. Влияние исследователя на респондента при таком методе минимально. Информация, собранная в результате анкетного опроса содержательна и универсальна, для ее обработки и анализа возможно максимальное использование технических средств.

В исследовании была применена схема стратифицированной пропорциональной выборки в сочетании с серийным отбором (многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора). Использование квотного принципа отбора потребовало предварительного анализа статистических сведений по ряду существенных, либо коррелирующих с ними характеристик генеральной совокупности и основывалось на представлении о подобии объектов в случае пропорциональности их структурных элементов. Объем выборки в регионе был распределен пропорционально имеющимся статистическим данным об общей численности населения, соотношении городского и сельского населения, численности населения в отдельных возрастных группах населения 15-70 лет, распределения по полу. На основе сведений об административно-территориальном делении в регионе были отобраны городские поселения и муниципальные районы, в которых планировался опрос респондентов. По каждому выбранному району и городскому поселению рассчитывалась выборка на основе региональных пропорций городского и сельского населения, а также соотношения по полу и возрасту. С учетом соотношения численности населения по полу, возрасту, месту проживания была сформирована региональная выборка (таблица 1.3.1, таблица 1.3.2, таблица 1.3.3).

Таблица 1.3.1 – Данные о численности населения в Алтайском крае в возрастных группах от 15 до 70 лет на 1 января 2020 года с учетом распределения по полу и типу поселения

Возраст, лет	Все население			Городское население			Сельское население		
	Всего	Мужчин	Женщины	Всего	Мужчин	Женщины	Всего	Мужчин	Женщины
15-19	185 106	93 337	91 769	119 445	56 871	62 574	65 661	36 466	29 195
20-29	362 047	184 476	177 571	224 352	113 650	110 702	137 695	70 826	66 869
30-39	458 262	231 145	227 117	276 248	136 842	139 406	182 014	94 303	87 711
40-49	259 051	126 295	132 756	164 175	79 312	84 863	94 876	46 983	47 893
50-59	316 369	148 706	167 663	173 869	79 795	94 074	142 500	68 911	73 589
60-70	267 746	97 439	170 307	143 096	51 985	91 111	124 650	45 454	79 196
Всего	1 848 581	881 398	967 183	1 101 185	518 455	582 730	747 396	362 943	384 453

Таблица 1.3.2 – Соотношение респондентов по территориальному распределению

	Соотношение городского и сельского населения	Объем выборки для городских поселений	Объем выборки для сельских поселений	Всего
Алтайский край	0,56/0,44	672	528	1200

Таблица 1.3.3 – Соотношение количества респондентов в группах по полу, возрасту и типу поселения

Тип поселения	Пол	Возраст, лет						количество анкет
		15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-70	
городское население	мужчины	27	80	65	51	57	30	310
	женщины	28	82	71	58	74	49	362
	всего	55	162	136	109	131	79	672
сельское население	мужчины	17	49	49	47	64	29	255
	женщины	15	48	50	50	70	40	273
	всего	32	97	99	97	134	69	528

В анкетном опросе населения участвовало 6250 респондента (2016 год – 1199, 2017 год – 1276, 2018 год – 1187, 2019 год – 1177, 2020 год – 1411 респондентов). В исследовании приняли участие 45,2% мужчин и 54,8% женщин. 29,0% в возрасте до 29 лет, 37,4% – от 30 до 49 лет, 33,6% - старше 50 лет. По уровню образования респонденты распределились следующим образом: высшее профессиональное образование (32,7%), среднее профессиональное (29,3%), среднее (полное) общее (21,8%), неполное высшее (16,2%). В проведенном исследовании были задействованы более 40 национальностей: русских (86,2%), немцев (1,4%), армян (1,4%), украинцев (0,7%), казахов (0,5%), белорусов (0,2%), татар (0,2%). Среди участников есть и представители смешанных семей, двух (и даже трёх) народов одновременно, среди них русские-немцы (1,1%), русские-украинцы (1,0%) и другие.

Анкета состоит из восьми блоков вопросов (приложение 1, таблица 1):

Осознание своей принадлежности к этнической группе. Данный блок представлен степенью близости по этнорегиональной самоидентификации; самооценкой этнической принадлежности; мотивацией этнической принадлежности по этнодифференцирующим признакам.

Ощущение гражданства / отношение к своей этнической / религиозной группе.

Отношение к другим этническим группам.

Осознание своей принадлежности к сообществу граждан, выраженное наличием и степенью гражданской самоидентификации.

Отношение к стране, ее истории, гражданственность. Данный блок включает вопросы по компонентам гражданской самоидентификации, по проявлению чувства гордости и объектов гордости за страну, по проявлению чувства стыда и объектов стыда за страну.

Оценка межнациональных и межконфессиональных отношений.

Показатели межэтнической сферы региона. Данный раздел представлен уровнем выраженности по такими показателями, как межнациональная дружба, уважение традиций, взаимовыручка, предрассудки, враждебность в

коммуникациях, соперничество в лидерстве, справедливость в распределении благ, взаимоуважение, психологическое давление, осуждение национализма, хулиганские действия, осуждение межнациональных браков, эффективность власти, гражданский диалог.

Социально-демографические характеристики. Вопросы данного блока включают в себя такие характеристики как пол, возраст, местожитительство, семейное положение, уровень образования, занятость, сферу экономики, материальное положение, религиозную принадлежность и отношение к религии.

С целью изучения взаимосвязанности процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения, в ходе исследования на основе нескольких показателей, отражающих данные процессы были созданы и рассчитаны новые переменные, что позволило рассмотреть каждый из них в комплексе.

Переменная *«уровень межэтнического взаимодействия»* состоит из следующих показателей: испытываемые чувства к представителям других национальностей, частота враждебного отношения к ним, а также к себе с их стороны, характеристика межнациональных отношений в регионе, выраженность утверждений, касающихся межэтнической сферы (дружественные отношения, оказание взаимопомощи).

Переменная *«уровень социальной интеграции населения»* включает: ассоциативную связь с россиянином, ощущение близости с группами, чувство гордости за Россию, наличие народного единства жителей страны.

Переменные представлены как порядковые (ранговые) шкалы и отражают степень выраженности исследуемых процессов.

Уровни межэтнического взаимодействия описаны как:
напряженный, конфликтный (противодействие),
нормальный, бесконфликтный (воздействие),
доброжелательный, способствующий общественному согласию (содействие).

Уровни социальной интеграции населения:

низкий (индивидуально-личностный),
средний (социально-групповой),
высокий (институциональный).

В рамках диссертационного исследования был проведен экспертный опрос, экспертами в котором выступили руководители национально-культурных организаций региона. Именно представители руководящих должностей формируют представление о том, что должно происходить на современном этапе межэтнического взаимодействия, они представляют собой «делегированных представителей народа». Бурдые П. обозначает деятельность «делегированных представителей» как эффект «социальной магии», который достигается за счет лозунгов, призывов. Именно при помощи слов происходит выстраивание социальных границ между группами, в результате группы начинают существовать как «реальные». Механизм конструирования групп, идентичностей оказывается простым проведением социальных границ теми, кого следует обозначить экспертами [161].

Экспертный опрос относится к специализированным опросам, в которых главный источник информации – компетентные лица, чья профессиональная деятельность тесно связана с предметом исследования, а исследователь дорожит уникальностью и неповторимостью знаний профессионалов своего дела [152]. Экспертный опрос позволяет исследователю выявить наиболее сложные, существенные аспекты изучаемой проблемы, понять и проинтерпретировать полученные данные и выводы благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

В исследовании использовался такой тип выборочной совокупности, как стратифицированная с квотным отбором единиц анализа. В качестве экспертов в соответствии с заданными квотами были опрошены руководители и заместители организаций, расположенных в городских округах, городских поселениях, и иных муниципальных образованиях на территории Алтайского края. Основой для отбора респондентов является перечень национальных общественных объединений Алтайского края, представленный на официальном сайте

Алтайского края [96]. Экспертный опрос на основе полуструктурированного интервью проводился на протяжении пяти лет: 2016 год (25 экспертов), 2017 год (20 экспертов), 2018 год (30 экспертов), 2019 год (22 эксперта), 2020 год (28 экспертов). Мужчин, принявших участие в исследовании больше (57,8%), чем женщин (42,2%). Среди руководителей, принявших участие в исследовании большая часть старше 60 лет (46,9%), 27,6% – в возрасте 50-59 лет, в возрасте 40-49 лет – 15,3%, участники до 40 лет составили около 10% от всех опрошенных (10,2%).

Анкета для полуструктурированного интервью состоит из четырех блоков вопросов (приложение 1, таблица 2).

Деятельность национально-культурного общественного объединения. Данный блок включает в себя показатели, отражающие причины создания организации; социально-значимые виды деятельности (связанные с обеспечением этнокультурных интересов и потребностей и другие); трудности в деятельности (в том числе виды помощи в преодолении трудностей); уровень оценки эффективности деятельности.

Внутрисекторные и межсекторные связи организации. Данный фактор раскрывает информацию о ключевых партнерах организаций, о формах и оценке взаимодействия с ними; а также об участии национально-культурных организаций в работе консультативных/совещательных органов в сфере государственной национальной политики; о контактах с этническими диаспорами и религиозными организациями; о членстве в сетевых организациях.

Оценка состояния межнациональных/межэтнических отношений в регионе. Данный блок представлен уровнем выраженности по следующим показателям: доверие деятельности национально-культурным организациям, этническим диаспорам; стремление объединяться в защиту национальных интересов; межнациональная напряженность; эффективность органов власти в сфере государственной национальной политики; справедливость в распределении благ; гражданский диалог; межнациональная напряженность; потребность в развитии этнокультур.

Социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование, должность).

Данные, полученные в ходе исследования, были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных: отбор данных, их модификация, частотный анализ, таблицы сопряженности с применением непараметрического статистического критерия Манна-Уитни, анализ множественных ответов, факторный и кластерный анализы (статистический пакет IBM SPSS Statistics 23.0).

Полученные результаты представлены в параграфах 2.1, 2.2 и 2.3 данной диссертации.

Использованные в рамках диссертационного исследования методы позволили целостно изучить процессы межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения, отразить взаимообусловленность данных процессов, проанализировать деятельность национально-культурных организаций.

Глава II. Специфика проявления процессов социальной интеграции населения и межэтнического взаимодействия в приграничном регионе России (по материалам социологических исследований в Алтайском крае)

2.1. Особенности социальной интеграции населения Алтайского края

Социальная интеграция населения – это один из показателей развития гражданского общества. Для Российской Федерации, как федеративного государства, важно учитывать региональные особенности социальной интеграции населения, необходимо принимать во внимание социально-экономическое положение региона, направления деятельности региональных органов власти и некоммерческих организаций, интересы, потребности, жизненные ценности, насущные проблемы жителей субъекта.

Алтайский край является одним из приграничных регионов Российской Федерации (имеет государственную границу с Республикой Казахстан). Регион входит в состав Сибирского федерального округа. Административный центр края – город Барнаул. Численность населения на 1 января 2022 года составляет 2 268 179 человек, что составляет 1,6% всего населения Российской Федерации [95, 151, 138]. Последние 20 лет (1995-2020 гг.) в крае отмечено сокращение численности населения под воздействием естественной и миграционной убыли. Снижение числа жителей за этот период составило около 400 000 человек (с 2,7 млн. до 2,3 млн. человек) [10].

В регионе проживает около 120 национальностей, численность 17 из них превышает 1000 человек [94]. Значимое влияние на формирование численности населения в Алтайском крае имеют миграционные процессы, они играют важную роль в контексте сохранения эффективности социально-экономической обстановки, снижения негативных демографических трендов [155]. Население края незначительно пополняется за счет возвращения соотечественников на прежнее место жительства из стран СНГ. В регионе больше всего иностранных мигрантов из Казахстана (61,2% от общей численности международных мигрантов, 2019 год), Киргизии (9,8%), Узбекистана (8,6%), Украины (2,8%) [73].

Регион занимает 41-е место в стране в рейтинге социально-экономического положения регионов Российской Федерации по итогам 2020 года [113], 68-ое место в рейтинге российских регионов по качеству жизни (2019 год) [112].

Одним из показателей уровня жизни регионов и стран является Индекс человеческого развития – это интегральный показатель, который ежегодно рассчитывается для сравнения и измерения основных характеристик человеческого потенциала (уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия) на определенной территории (страны или региона). Индекс человеческого развития в Алтайском крае в 2018 году составил 0,840 [64], в 2017 году составлял 0,838 [63], в 2016 году – 0,835 [41]. Данные показатели входят в диапазон очень высокого уровня развития (0,800-0,899).

Федотов А.А. рассчитывает интегральный индекс человеческого потенциала по регионам Российской Федерации за 2018 год на основании шести показателей («уровень распространения высшего и среднего специального образования», «естественный прирост населения», «посещение музеев и театров», «ожидаемая продолжительность жизни», «распространение алкоголизма и наркомании», «число убийств и покушений на убийства»). По полученным данным, интегральный индекс Алтайского края составляет 0,41. Для сравнения, самое высокое значение имеет город Санкт-Петербург (0,76), самое низкое – Чукотский автономный округ (0,30). Кроме этого, автором был проведен многофакторный кластерный анализ, в результате которого было выделено 10 кластеров. Алтайский край, наряду с другими 29-ю регионами страны, вошел в первый кластер, который характеризуется как «отражающий средние по стране уровни всех аспектов человеческого потенциала, но с более спокойной криминальной обстановкой» [148].

Один из подходов к оценке качества жизни в регионах основан на анализе 10 показателей (характеризующих социально-экономическое положение населения, экологическое положение), значения которых объединены в итоговую оценку. Алтайский край занимает 70 строчку данного рейтинга (имеет 1,45 балла).

Лидирует в списке г. Санкт-Петербург (7 баллов), замыкает его Республика Тыва (минус 1,73 балла).

В Алтайском крае вопросам, касающимся социальной интеграции населения, уделяется много внимания со стороны ученых, а также со стороны органов власти. В регионе с 2014 года реализуется проект «Межнациональные отношения как ресурс социальной интеграции и развития этнокультур в полиэтничной среде Алтайского края». Регулярно проводится научная конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве». Функционирует Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, созданный в 2017 году. Деятельность центра направлена на «создание условий для развития институтов гражданского общества в Алтайском крае, а также активизацию эффективного взаимодействия органов власти, национально-культурных объединений и СМИ в сфере развития гражданских инициатив и содействие интеграции народов и культур в Алтайском крае» [115].

С 2000 года действует международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай», представляющий собой объединение представителей региональной и законодательной власти, гражданского общества и ученых приграничных территорий России (Алтайский край и республика Алтай), Монголии, Казахстана, Китайской Народной Республики [11].

В регионе реализуется проект «Международная школа «Большой Алтай: форсайт 2050», цель которого заключается в развитии межкультурного диалога между представителями Алтайского региона (России, Казахстана, Кыргызстана, Монголии)». В рамках проекта в 2021 году проведена международная конференция «Большой Алтай: развитие, интеграция, международное сотрудничество».

Таким образом, Алтайский край, является одним из приграничных регионов Российской Федерации, характеризуется средними показателями социально-экономического развития в стране, с очень высоким уровнем развития (по индексу человеческого развития субъектов Российской Федерации – очень

высоким уровнем развития). Вопросам социальной интеграции населения в регионе уделяется большое внимание со стороны органов власти, общественных организаций, научного сообщества.

В Алтайском крае было реализовано социологическое исследование, в рамках которого были изучены вопросы социальной интеграции населения, в том числе представителей разных этнических сообществ, рассмотрены представления о народе России, его интересах, отношении к стране (2016, 2017, 2018, 2019, 2020 годы).

Социальная интеграция населения связана с ассоциацией населения себя с определенными группами, включенностью в эти группы, ощущением близости с ними. «Уровень интеграции определяется степенью испытываемого индивидом чувства принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений» [139].

С гражданами России ассоциируют себя почти все жители региона (94,6%). Наиболее выражено это в 2017 году, на данную ассоциацию указывают 96,7% жителей. Отмечена зависимость данного показателя от возраста (здесь и далее представлены только статистически достоверные различия (χ^2 , $p \leq 0,005$). Чем старше жители, тем чаще они указывают на ассоциацию (91,8% в группе жителей края до 29 лет, 95,6% – в группе 30-49 лет, 96,1% – в группе 50 лет и старше).

Высокий уровень гражданской идентичности в приграничных регионах России был отмечен и ранее, согласно результатам исследования, проведенного учеными Алтайского государственного университета в 2015 году в девяти субъектах, «с гражданами России себя ассоциируют 97,9% жителей приграничных регионов» [80].

Близость с общностями жители края чувствуют в значительной степени. Наиболее выражена близость с гражданами России, жителями своего населенного пункта, жителями Алтайского края, людьми одной национальности, представителями одного поколения. Менее половины жителей указывают на значительную степень близости с людьми одной профессии, одной веры, одного уровня достатка, с людьми, близкими по политическим взглядам (рисунок 2.1.1).

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в 9 регионах России в 2015 году, представленным Горбуновой А.А., Максимовой С.Г., наиболее выраженной и распространенной формой социальной идентичности является идентификация с гражданами России. Этническая же идентичность по значимости уступает не только гражданской, но и региональной, и локальной [33].

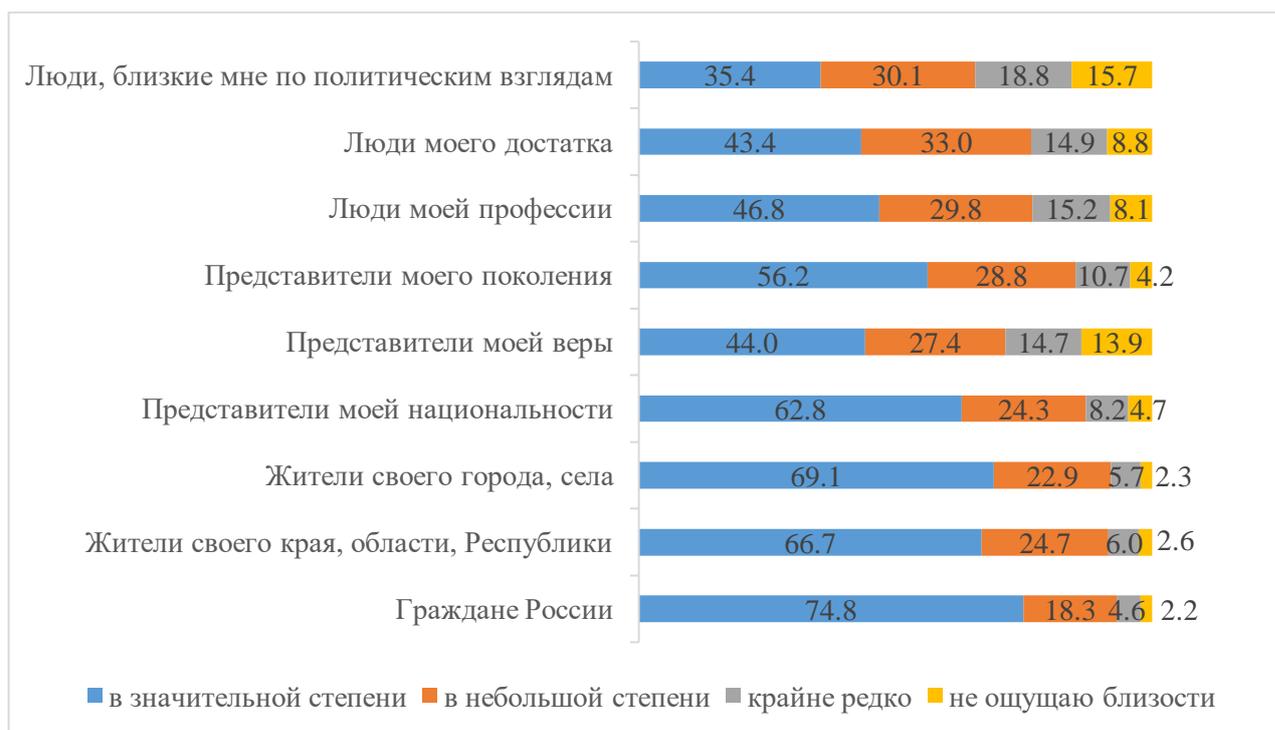

Рисунок 2.1.1 – Степень ощущения близости жителей Алтайского края с общностями, 2016-2020 гг., %.

Отмечена зависимость ощущения близости с общностями по таким показателям, как возраст, тип населенного пункта, год проведения исследования. Наиболее выражено ощущение близости у населения сельской местности, а также у жителей более старшего возраста.

Гордость за свою страну испытывают 84,5% жителей края. Чаще на это указывают жители сельской местности (87,9%), чем жители городов (82,1%). Чем старше жители края, тем чаще они указывают на чувство гордости к России (79,3% жителей в группе до 29 лет, 85,6% – в группе 30-49 лет, 88,1% – в группе 50 лет и старше). За весь период исследования отмечена тенденция уменьшения

чувства гордости за страну жителями края с 89,6% в 2016 году до 80,1% в 2020 году.

Чаще всего чувство гордости за страну у жителей Алтайского края вызывает Победа в Великой Отечественной войне (75,5% наблюдений), достижения российских поэтов, писателей, композиторов (57,8% наблюдений), первый успешный полет в космос Юрия Гагарина в 1961 году (54,4% наблюдений).

Чувство гордости в связи с победой в войне и полетом в космос Юрия Гагарина является наиболее актуальным для всех жителей Российской Федерации, что подтверждают результаты социологического исследования, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады «Левада-Центр» в России в 2017 году [121].

Выявлена значимость различий среди сельских и городских жителей, а также по году проведения исследования. Так, жители города чаще испытывают гордость за свою страну благодаря великим российским поэтам, писателям, композиторам (60,7% наблюдений среди жителей городской местности, 53,8% наблюдений среди жителей сёл). Для сельского населения наиболее актуальна, чем для городского, гордость за Победу в войне 1941-1945 гг. (79,3% наблюдений среди жителей сёл, 72,7% наблюдений среди жителей городов). В 2019 году население края чаще указывало на гордость за страну в связи с достижениями российской науки и техники (в 50% наблюдениях).

Некоторые граждане указывали и на то, что им приходилось испытывать чувство стыда за Россию. Чаще всего это связывают с низким уровнем жизни, низкими заработными платами, безработицей и нищетой, на это указали жители края в 75,6% наблюдениях. В 65,2% наблюдениях причиной стыда называют коррупцию и бюрократию. В менее 50% случаях жители отметили алкоголизм и наркоманию (49,1% наблюдений), плохую работу представителей органов власти (48,7% наблюдений), упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (48,7% наблюдений), положение дел в образовании (45,3% наблюдений), расхищение и продажа национальных богатств, государственной собственности (41,1% наблюдений).

Переживания по поводу низкого уровня жизни уже давно актуальны для россиян. Согласно результатам приведенного выше исследования Левада-Центром, чувство стыда и огорчения за российскую историю XX века россияне чаще испытывают из-за того, что являясь великим народом в богатой стране, живем в постоянной бедности (54%). По результатам социологического исследования, проведенного в 1999 году, на это указали 79% населения страны. Популярными причинами чувства стыда в 2017 году также явились «распад СССР» (33%) и «грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу» (24%) [121].

На чувство стыда за страну указывают как жители сёл, так и городские жители. Однако городское население чаще сельского указывает на то, что такое чувство испытывают из-за плохой работы властей (50,8% наблюдений среди городских жителей, 45,9% наблюдений среди сельских жителей); из-за низкого уровня культуры, деградации молодежи (40,2% наблюдений среди городских жителей, 33,6% наблюдений среди сельских жителей); из-за положения страны в мире, отношения к ней за рубежом, внешней политики государства (19,1% наблюдений среди городских жителей, 14,8% наблюдений среди сельских жителей). Значимые различия отмечены и среди разных возрастных групп, чем старше возраст жителей края, тем чаще они указывают на то, что испытывают чувство стыда по следующим причинам: коррупция, бюрократия; упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом; высокий уровень преступности; низкий уровень образования и здравоохранения. На протяжении исследования (с 2016 года по 2020 год) по всем вышеуказанным причинам (кроме «положение страны в мире, отношение к ней за рубежом, внешняя политика государства» и «нарушение прав человека») отмечено уменьшение испытываемого чувства стыда.

Положительные стороны образа России в представлениях населения связаны с реализацией внешней политики и культурным достоянием, отрицательные – с качеством жизни населения, неэффективностью организации управленческого аппарата и состоянием экономики [82].

Население Алтайского края сталкивалось в своей жизни со случаями ущемления своих прав. Наиболее популярным является ущемление прав из-за возраста (45,5% наблюдений), на него чаще указывают люди до 29 лет (в 55,2% наблюдений). Следующим по актуальности является ущемление прав из-за материального положения (33,7% наблюдений), оно наиболее актуально для бедных (денег хватает только на скромное питание, оплату коммунальных услуг) (45,3% наблюдений). Жители сельской местности указывают на данное ущемление прав чаще, чем городское население (41,2% наблюдений среди жителей сёл, 29,0% наблюдений среди жителей городов). Ограничение прав по гендерной принадлежности испытывают чаще женщины (26,9% наблюдений), чем мужчины (9,7% наблюдений). Об ущемлении прав по возрасту и полу чаще говорят жители городов.

На протяжении всего исследования отмечено увеличение наблюдений, указывающих на ущемления прав граждан из-за их возраста, половой принадлежности, национальности и политических взглядов. Ограничение прав из-за материального положения в 2019 и 2020 годы, наоборот, стали проявляться реже.

Согласно мнениям Голенковой З.Т. и Игитханян Е.Д., «самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из единства разнообразия, формирования целостности на основе совпадения целей и интересов» [31]. Единство важно рассматривать как «взаимоуважение друг друга, умение признавать права другого на иную точку зрения, понимая, что он такой же гражданин, как и все, умение уважать друг друга. Ноянзина О.Е. утверждает, что именно такое понимание «единства» может быть «положено в основание реального культурного, национального и духовного, а не формально-административного единства граждан России» [97].

На то, что в России сегодня есть народное единство указывают 52,4% жителей региона, 32,4% указывает на его отсутствие, 15,2% затруднились при выборе ответа на данный вопрос. На наличие народного единства чаще указывают жители сельской местности (55,4%), чем городское население (50,2%). Чаще

жители говорили о народном единстве в стране в начале исследования, в 2016 году (57,6%), к 2020 году их стало меньше (49,1%).

По результатам всероссийского опроса, который был проведен в 2019 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) только треть опрошенных (37%) убеждены в том, что в России есть единство народа [23].

Единению народа России, согласно мнению жителей региона, способствуют следующие факторы: объединение России в трудные времена (55,5% наблюдений), готовность людей к взаимопомощи (32,7% наблюдений), менталитет русских (25,6% наблюдений), отсутствие войн (25,2% наблюдений), мирное сосуществование представителей всех национальностей (24,3% наблюдений), любовь к своей стране (22,9% наблюдений), совместное участие в массовых спортивных и культурных мероприятиях (20,9% наблюдений). На все факторы единения народа России жители более старших возрастов указывают чаще, чем молодые.

К 2020 году (в сравнении с 2016 годом), среди жителей региона становится менее значимой актуальность всех названных факторов, кроме одного – «отсутствие войн в стране», данный фактор к 2020 году, наоборот, становится популярнее (26,1% наблюдений в 2016 году, 32,7% наблюдений в 2020 году).

Препятствуют процессу единения народа России следующие факторы: нищета, большая разница между богатыми и бедными (66,7%), озлобленность людей (48,3%), люди думают только о себе (42,3%), отсутствие патриотизма (36,9%). Жители городов чаще отмечают, что препятствует единению страны отсутствие единой цели, идеи, патриотизма (38,5% наблюдений среди городских жителей, 34,4% наблюдений среди жителей сельской местности); реже говорят о влиянии озлобленности людей (45,7% наблюдений среди городских жителей, 52,0% наблюдений среди жителей сёл). Чем старше население, тем чаще среди препятствующих факторов, они называют озлобленность людей; отсутствие цели, идеи и патриотизма; попытки государства расколоть людей; и тем реже говорят о том, что каждый сам за себя.

Для того, чтобы оценить актуальность различных проблем для жителей региона, нами были подробно изучены распределения ответов на вопрос, заданный населению о том, что, по их мнению, представляет наибольшую проблему для края. Все указанные утверждения были разбиты нами по уровню значимости на группы.

Первая состоит из проблем, которые оказались наиболее животрепещущими для жителей региона. Они отражают низкий уровень некоторых показателей социальной сферы в крае:

- снижение уровня жизни людей (88,1%);
- безработица (87,6 %);
- отсутствие перспектив для молодежи (80,4%);
- коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников (78,8%);
- низкое качество здравоохранения (75,8%);
- низкое качество получаемого среднего образования (57,8%);
- низкое качество получаемого высшего образования (55,1%);
- земельная проблема: оформление собственности, недопущение захвата (41,8%).

Вторая группа представлена проблемами, которые носят глобальный характер и актуальны не только для жителей Алтайского края, но и в целом для всего населения страны:

- плохая экология (62,9%);
- безопасность граждан (50,6%).

Третью группу представляют утверждения, которые оказались для населения Алтайского края наименее значимыми, именно в нее вошли характеристики, указывающие на нарастание межэтнической напряженности:

- ухудшение взаимоотношений между людьми разных национальностей (28,8%);
- нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами (27,1%);

нарастание враждебности между различными религиозными течениями (25,8%).

Все указанные проблемы наиболее актуальны среди жителей сельской местности, кроме проблемы нарастания враждебности между коренным населением и мигрантами. К 2020 году отмечено уменьшение актуальности для жителей края данных проблем.

Таким образом, выделено три группы проблем, актуальных для жителей региона: проблемы, отражающие низкий уровень некоторых показателей социальной сферы в крае; проблемы, которые носят глобальный характер и актуальны для всего населения страны; проблемы, связанные с нарастанием межэтнической напряженности. При этом, для населения региона наиболее актуальны определенные трудности в социальной сфере и вопросы, носящие глобальный характер. Проблемы межэтнической напряженности не являются столь выраженными.

Интеграция населения имеет точки пересечения с процессами миграции [185]. С одной стороны, важно рассматривать как проходит интеграция мигрантов в принимающем сообществе, с другой стороны, необходимо учитывать миграционные планы местных жителей. На то, что планируют остаться жить там же, где и живут указывают 53,1% жителей. Остальные говорят о том, что хотят переехать, но куда конкретно пока не решили (16,2%), планируют переехать в другой регион России (6,7%), в другую страну (4,7%), в другой город или район Алтайского края (4,5%), в другой населенный пункт района, в котором живут (2,4%).

Жители, планирующие уехать в другой регион, чаще выбирают такие города, как Москва, Санкт-Петербург, соседний регион (Новосибирскую область), а также регионы Южного Федерального округа (Краснодарский край, Крым) [162]. Центральный, Северо-Западный и Южный Федеральные округа – наиболее привлекательны в миграционном отношении на протяжении 2000-2017 гг. для переезжающих со всей страны [53].

Жители сельской местности чаще говорят о том, что переезжать не планируют (на это указали 58,7% жителей в селе, 49,4% жителей в городе), планирующее переехать сельское население, чаще городского, выбирает другой город или район Алтайского края или другой населенный пункт своего района.

Миграционная активность, наиболее присуща молодому поколению. Это во многом связано с их стремлением трудоустроиться, добиться более высоких целей в новых условиях, в более крупных городах. Более старшее поколение чаще указывает на желание остаться жить там, где и живут. Если до 29 лет 28,4% населения не хотят уезжать, в 30-49 лет – 55,6%, то в 50 лет и старше таких 72,9%. Наиболее высока интенсивность миграции у лиц трудоспособного возраста. «Возрастные различия миграционной подвижности населения отражают, вероятно, как дифференциацию объективных возможностей и мотиваций внутренней миграции лиц разных возрастов, так и оцениваемую ими вероятность реализовать собственные намерения посредством территориальных перемещений» [87]. Жители края всех возрастов, желающие уехать, зачастую сами не знают куда именно уедут (28,3% – до 29 лет, 15,0% – 30-49 лет, 6,2% – 50 лет и старше). Людей, которые не хотели бы переезжать становится меньше, в 2020 году таких 47,8% (больше всего жителей выбрали данный ответ в 2018 году – 59,8%).

Среди наиболее актуальных причин переезда в Алтайском крае следующие: «улучшение благосостояния», этот вариант ответа выбрали в 52,0% наблюдений, «обеспечение будущего детей» (32,5% наблюдений), «поиск работы» (23,8% наблюдений), «ради путешествий, чтобы посмотреть другие города, регионы» (22,5% наблюдений). Жители сельской местности чаще, чем городское население в качестве причин возможного переезда указывают на улучшение медицинского обслуживания (17,2% наблюдений среди жителей сельской местности и 11,9% наблюдений среди жителей городов). Городское население чаще сельского в качестве причин указывает на стремление к путешествиям, карьерный рост, экологические, климатические условия.

Согласно данным Росстата, основные причины внутренней миграции в России в 2008-2016 году следующие: причины личного характера, связанные с учебой, работой, возвращение к прежнему месту жительства [87].

В ходе исследования отмечена значимость различий между сельским и городским населением по ряду признаков. Так, у сельского населения наиболее выражено ощущение близости со всеми исследуемыми общностями, они чаще испытывают чувство гордости за страну, чаще указывают на народное единство, реже указывают на планы о переезде. В то же время, жители сёл, чаще городских, сталкиваются с ущемлением прав из-за материального положения, для них наиболее актуальны все выделенные проблемы, кроме нарастания враждебности между коренным населением и мигрантами.

В исследовании, все население региона нами было дополнительно разделено по национальному признаку на две категории: «русские» и «представители других национальностей». Русские чаще других указывают на значительную степень близости с различными группами (среди которых: граждане России, жители края, жители одного населенного пункта, люди одного поколения и другие). Жители, которые относят себя к русским чаще испытывают чувство гордости за страну (85,4% – русские, 79,1% – другие национальности), а также не планируют переезжать куда-либо (54,3% – русские, 45,2% – другие).

Таким образом, социальная интеграция населения Алтайского края охарактеризована с положительной стороны, представлена следующими показателями:

высокая степень близости с общностями: граждане России, жители своего населенного пункта, жители региона, люди одной национальности;

чувство гордости за свою страну, испытываемое большей частью жителей края, чаще всего связано с Победой в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., культурным наследием России, первым успешным полетом в космос Юрия Гагарина. Чувство стыда за страну население региона чаще связывает с низким уровнем жизни, низкими заработными платами, безработицей и нищетой, коррупцией и бюрократией;

на наличие народного единства в России указывают чуть больше половины жителей края, в их представлениях единению способствует объединение России в трудные времена, препятствует – нищета, большая разница между богатыми и бедными;

планируют остаться жить там же, где и живут немного более половины жителей Алтайского края. Миграционная активность, наиболее присуща молодому поколению;

население Алтайского края сталкивалось в своей жизни со случаями ущемления своих прав, однако этот показатель не является высоким. Ущемление прав из-за возраста чаще ощущали на себе молодые люди, из-за материального положения – те, кто оценивают его как бедное, из-за гендерной принадлежности – женщины.

Для жителей региона наиболее актуальны проблемы, отражающие низкий уровень показателей социальной сферы в крае и проблемы, носящие глобальный характер. Проблемы, связанные с нарастанием межэтнической напряженности, не являются столь выраженными.

2.2. Взаимообусловленность процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения

Российская Федерация – это многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 180 этнических групп (национальностей), со своими особенностями культуры, быта, языка. Русские составляют 80,9% всего населения страны. В России проживают татары, украинцы, башкиры, чувашаи, чеченцы и др. При условии многонациональности нашей страны, залог ее успешного развития заключается в позитивном межэтническом взаимодействии всех этносов, проживающих в стране. Для этого особое внимание необходимо уделять межэтническому взаимодействию в регионах России.

Алтайский край является полиэтничным, в итогах Всероссийской переписи населения, которая проходила в 2010 году, имеется подробная информация о демографических и социально-экономических характеристиках населения региона [98]. Русские составляют 92,4%, среди остальных наиболее многочисленно представлены немцы, украинцы, казахи, армяне, татары, азербайджанцы, белорусы, цыгане, мордва, узбеки, чувашаи, таджики, алтайцы, кумандинцы, корейцы, молдаване и др. В Алтайском крае проживают коренные малочисленные народы – кумандинцы. В 2010 году в регионе их проживало 1401 человек, что на 262 человека меньше, чем в 2002 году. Коренные малочисленные народы – это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [2].

Большинство приграничных регионов России характеризуются заметным преобладанием русского населения. Русские составляют более 80% всего местного населения в 32 приграничных регионах страны (из 50) (согласно итогам переписи населения 2010 года, а также результатам переписи населения в Крымском Федеральном округе в 2014 году). В связи с этим можно считать Алтайский край типичным приграничным полиэтничным регионом страны.

Значимую роль в формировании состава населения региона на протяжении длительного времени играет миграция. Миграционные процессы сказываются на численности, возрастной структуре и этническом составе населения, этнокультурной динамике, определяют специфику стратегии адаптации мигрантов, социальной интеграции всего населения [154]. В 2016 году количество прибывших человек в регион составило 75 769, к 2017 году данный показатель снизился до 72 885 человек, а потом снова стал увеличиваться (79 408 человек в 2018 году, 79 649 человек в 2019 году). В 2020 году данный показатель составлял 65 449 человек. Количество выбывших человек из региона выше: 82 241 – в 2016 году, 80 944 – в 2017 году, 86 819 – в 2018 году, 83 800 – в 2019 году, 67 865 – в 2020 году [86].

Край имеет миграционные связи со странами ближнего и дальнего зарубежья, почти со всеми федеральными округами России. С Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Украиной регион имеет наиболее тесные миграционные отношения. Внешняя миграция оказывает многостороннее влияние на экономическое, социальное развитие, а также на национальную безопасность в регионе. Сложность и противоречивость миграционного процесса состоит в том, что он оказывает неоднозначное воздействие на социально-экономическую ситуацию страны и ее регионов [81]. Риски и угрозы международной миграции связаны с увеличением напряженности на трудовом рынке, нагрузкой на социальную сферу, распространением бедности, ухудшением социально-демографической структуры населения. Нелегальная миграция приводит к таким последствиям как: противоправная деятельность, отток денежных ресурсов из региона, сокращение налоговой базы, распространение наркотиков, контрабанда, угроза обострения санитарно-эпидемиологической ситуации, незаконное производство и продажа спиртосодержащих напитков [116]. Кроме того, миграция способствует распространению коррупции, увеличению конфликтности на национальной почве, а также росту угрозы международного терроризма [61].

В исследовании приняли участие представители более 40 национальностей. Они относят себя к определенной нации в связи с национальной

принадлежностью родителей (72,7% наблюдений), владением языком (73,8%), воспитанием на национальной культуре (59,4%), проживанием на родине этнической группы (46,0%). Единство территории, единство языка, единство происхождения от общего предка, общность исторической судьбы, устойчивая преемственность между поколениями, общее самосознание, общая культура и традиции – это этнообразующие факторы, являющиеся основой национальной самоидентификации. Большинство жителей относят себя к определенной нации именно потому, что говорят и думают на языке этой этнической группы (нации). Анализируя этнические признаки Гуревич Л.С. говорит о том, что «языку отводится роль «ключевого символа», «вокруг которого кристаллизуется сознание национальной отличительности» [37].

Больше половины (62,8%) жителей края в значительной степени ощущают близость с представителями одной национальности. Согласно исследованиям Института социологии РАН, этническая идентичность является одной их самых широко распространенных (связь с людьми своей национальности ощущали 89-90% респондентов в 2004 и в 2011 гг.). Информация, полученная в рамках Европейского социального исследования (ESS), 2010 г., свидетельствует о том, что более 80% ощущают связь с людьми своей национальности [44].

Почти половина жителей края испытывает нейтральные чувства (48,0%) к людям другой национальности, 44,1% – положительные, скорее негативные чувства у 4,9%, определенно негативные – у 0,6% жителей. Отношение к ним становится лучше: на «скорее положительное отношение» в 2016 году указывали 22,5% жителей, в 2020 году – 25,9%; «определенно положительное отношение» отмечали 18,4% в 2016 году и 22,5% в 2020 году. К 2020 году стали реже проявляться скорее негативные чувства: 6,3% в 2016 году, 2,9% в 2020 году. На нейтральность в межэтнических взаимодействиях чаще указывали в 2017 году (54,9%) (рисунок 2.2.1).

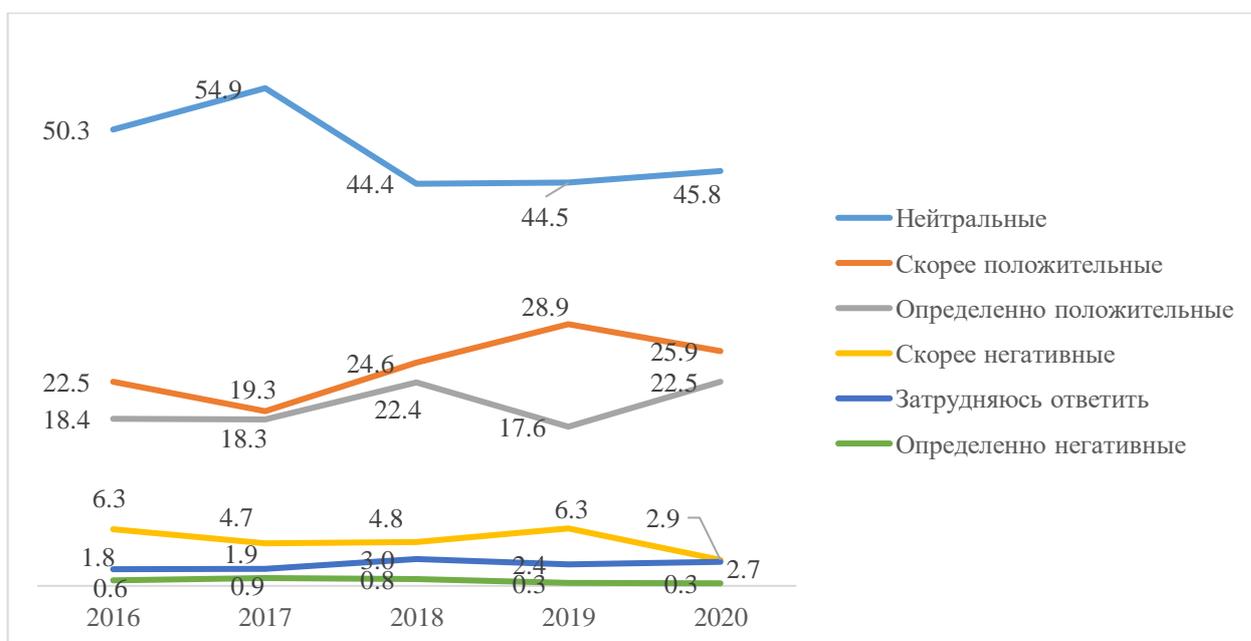

Рисунок 2.2.1 – Отношение жителей Алтайского края к представителям других национальностей, по году проведения исследования, %.

Положительные чувства чаще испытывают, женщины, верующие, представители старшего поколения (старше 50 лет), люди, занимающие руководящие должности, с хорошим материальным положением, а также те, кто проживает в крае менее года.

Межэтнические отношения в регионе в целом характеризуются как благоприятные, но с определенным уровнем нетерпимости. Так, хорошее отношение к народам Средней Азии и народам Кавказа, отмечают менее 10,0% жителей. Негативные чувства к ним отмечены и в результатах исследования, проведенного в 2014 году [32], а также в итогах всероссийского опроса ВЦИОМ [166]. Считается, что мигранты из Средней Азии менее адаптированы, в сравнении с другими [27].

Причинами отрицательного отношения к людям других национальностей являются игнорирование ими наших обычаев, терроризм, негатив по отношению к местным жителям. Наименее популярными причинами негативного отношения к другим являются: положение мигрантов на рынке труда и в бизнесе, отсутствие желания изучать язык. За весь период исследования чётко прослеживается определённая тенденция – причины, связанные с противозаконным поведением «других», с их неумением вести себя, террористическими угрозами,

неприятными чувствами к местным набирают наибольшую популярность в 2018 и 2019 годы. К 2020 они снова становятся менее актуальными (рисунок 2.2.2).

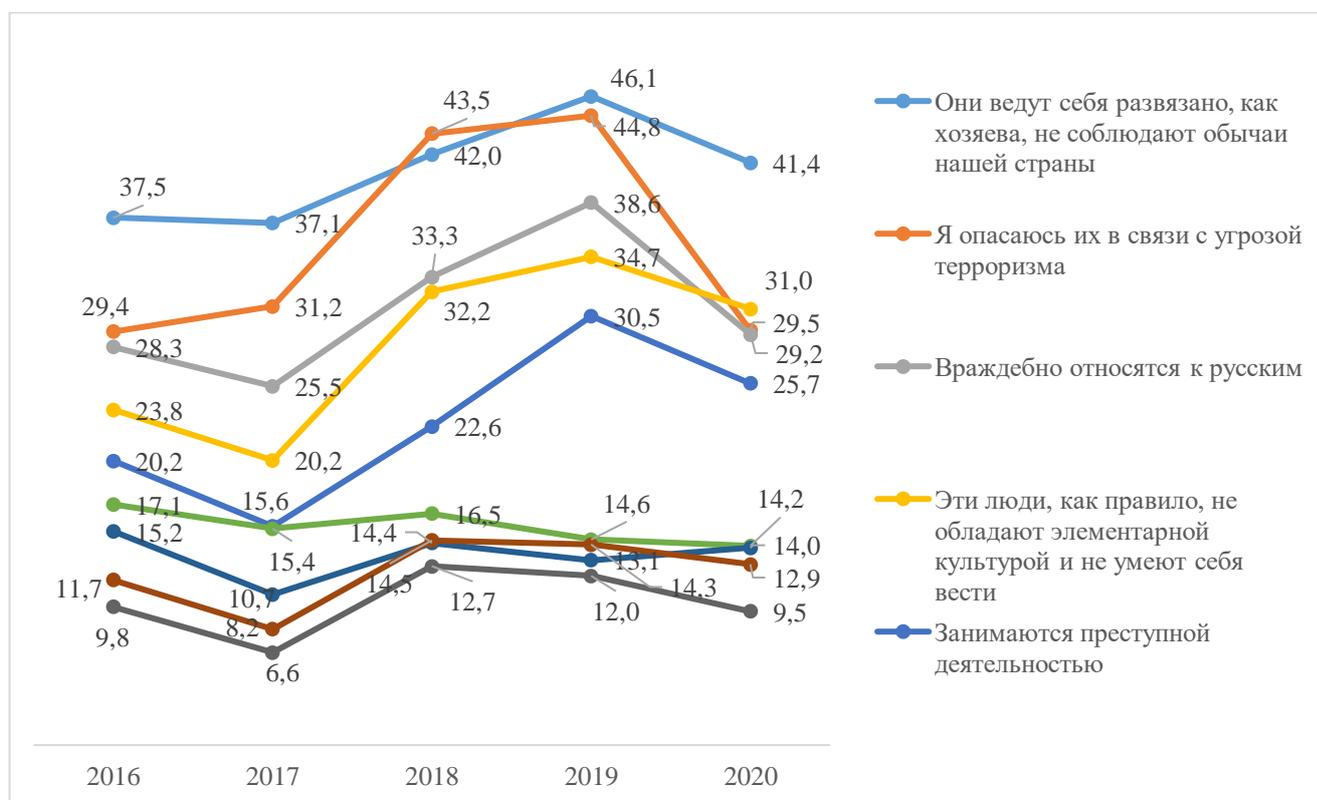

Рисунок 2.2.2 – Причины негативного отношения к представителям других национальностей, по году проведения исследования, % наблюдений.

Населению Алтайского края было предложено охарактеризовать нашу страну как многонациональное государство, и выбрать утверждения наиболее точно его характеризующие. Утверждение, описывающее равноправие всех народов («Россия – это общий дом»), становится более популярным среди жителей края. Характеристика нашей страны, как государства только русских и для русских становится менее популярной.

Жители края к 2020 году чаще стали указывать на улучшение межэтнических отношений. Однако, отмечено и увеличение чувства враждебности к другим, и к себе с их стороны (рисунок 2.2.3).

Рисунок 2.2.3 – Испытываемое чувство вражды к лицам других национальностей / к себе с их стороны, по году проведения исследования, %.

Более половины жителей Алтайского края говорят о том, что межнациональные конфликты в регионе невозможны (62,9%), 21,2% считают, что вероятность их возникновения есть, остальные 15,9% затруднились с выбором ответа на данный вопрос. Ни наблюдателями, ни участниками каких-либо конфликтов, основанных на национальной неприязни не являлись 69,7% местных жителей. Согласно данным Аналитического центра «Левада-центр», в стране, на возможность возникновения массовых межнациональных конфликтов указывают четверть жителей (25,0%) [60].

Межнациональные отношения в городах и селах, также оцениваются большинством как нормальные и бесконфликтные (66,8%), доброжелательные (9,9%). Напряжённость в сфере межэтнических взаимодействий в своём городе, районе ощущают около 10% населения. Наиболее высоким этот показатель был в 2019 году (16,6%).

Жители региона, которые относят себя к представителям других национальностей чаще, чем те, кто относит себя к русским, указывают на хорошее отношение («скорее хорошее» и «очень хорошее») к народам Средней Азии (75,4% – другие, 70,1% – русские), к народам Кавказа (78,8% – другие, 72,6% – русские), к малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока (84,3% – другие, 82,9% – русские); реже указывают на причины, вызывающие антипатию и неприязнь к ним. Именно они (представители других национальностей) чаще русских, являлись свидетелями каких-либо ссор и конфликтов, связанных с межнациональной неприязнью (23,2% – другие, 17,4% – русские), а также чаще являлись их участниками (8,0% – другие, 5,0% – русские).

Жителями Алтайского края были оценены предложенные утверждения, отражающие суть межэтнических отношений от 1 до 10 баллов (где 1 – это наименьшая степень выраженности, 10 – наибольшая степень выраженности утверждения). Построены шесть факторных моделей: общая факторная модель, факторная модель за 2016 год, факторная модель за 2017 год, факторная модель за 2018 год, факторная модель за 2019 год, факторная модель за 2020 год.

Общая факторная модель включает три фактора.

Первый – институциональный (информативность 30,7%), состоит из показателей, описывающих оказание всесторонней поддержки национальным организациям и жителям края различных национальностей с целью сохранения и развития их культуры и традиций; указывающих на эффективную работу органов власти, бескомпромиссном отстаивании ими интересов жителей всех национальностей и вероисповеданий, проживающих в регионе. Данный фактор характеризует деятельность институтов гражданского общества, краевых органов власти в рамках государственной национальной политики как плодотворную, результативную, сосредоточенную на развитии национальных культур различных национальностей региона.

Второй – социально-психологический (20,2%), содержит негативные установки: какие-либо преступные действия, давление, отрицательные высказывания в адрес представителей других национальностей. Данный фактор

указывает на то, что для населения Алтайского края характерны предубеждения, стереотипное мышление, препятствующие формированию в регионе неконфликтных, гармоничных межэтнических отношений.

Третий – интеграционный (7,7%), включает утверждения, которые представляют межэтнические отношения с точки зрения интеграции (уважение и положительное отношение к лицам других национальностей, их языку, обычаям, традициям, честное распределение всех благ) (приложение 2, таблица 1, таблица 2).

Факторные модели за 2016, 2017, 2019 и 2020 годы также, как и общая факторная модель, представлены тремя факторами (институциональный, социально-психологический, интеграционный). Факторная модель 2018 года состоит из четырех факторов (институциональный, два социально-психологических фактора, интеграционный).

Современная ситуация в сфере межэтнических взаимоотношений в регионе обусловлена институциональным, социально-психологическим, интеграционным факторами. Межнациональные отношения в регионе характеризуются как стабильные, благоприятные, однако определенный уровень нетерпимости существует. Данная тенденция присуща и другим регионам Сибирского федерального округа. «Состояние этноконфессиональных отношений в СФО характеризуется низким уровнем напряженности, однако мониторинг позволил определить потенциально конфликтные ситуации» [22].

С целью изучить взаимообусловленность процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения в многонациональном региональном социуме были созданы две переменные, представляющие собой порядковые (ранговые) шкалы, отражающие степень выраженности исследуемых процессов в регионе.

Уровни межэтнического взаимодействия описаны как:
напряженный, конфликтный (противодействие),
нормальный, бесконфликтный (воздействие),

доброжелательный, способствующий общественному согласию (содействие).

Уровни социальной интеграции населения:

низкий (индивидуально-личностный),

средний (социально-групповой),

высокий (институциональный).

Уровень межэтнического взаимодействия. Отмечены значимые различия данной переменной в зависимости от социально-демографических характеристик: пол, образование, семейное положение, уровень материального достатка, миграционные планы. Среди жителей, указывающих на нормальные и доброжелательные межэтнические взаимодействия больше женщин (52,7% и 60,3% соответственно), чем мужчин (47,3% и 39,7%); они чаще имеют высшее профессиональное образование (35,3% и 33,1%), чем те, кто указывает на напряженный уровень взаимодействий (25,5%); чаще состоят в зарегистрированном браке (49,8% и 54,9% соответственно); считают свое материальное положение средним (70,5% и 68,8%) и обеспеченным (17,2%, 21,3% соответственно); они реже указывают на возможный переезд.

Значимые различия отмечены с показателями социальной интеграции: связь с различными общностями, наличие (либо отсутствие) народного единства, чувства гордости за Россию. Отмечающие доброжелательность отношений – это, чаще всего, те, кто ассоциирует себя с гражданами России, испытывает близость с общностями. Жители края, которые описывают межэтнические взаимодействия как доброжелательные, чаще испытывают чувство гордости за страну (90,1%), чем те, которые указывают на нормальные взаимоотношения – 85,0%, менее всего таких среди указывающих на напряженность – 79,1%. Оценивающие межэтнические отношения в регионе с положительной точки зрения, чаще других считают, что народное единство в нашей стране скорее есть (69,7%), 51,8% думающих также, среди характеризующих межэтнические взаимоотношения нормальными, и 39,6% среди тех, кто отмечает их напряженность. Жители Алтайского края, считающие межэтнические отношения доброжелательными

реже указывают на утверждения, препятствующие единению народа России: озлобленность людей, их эгоистичность, раскол людей государством, многонациональность; чаще – на все характеристики, способствующие единению народа России. Они реже испытывали ущемление прав из-за национальности, вероисповедания, политических взглядов и убеждений, материального положения, состояния здоровья.

Население, указывающее на напряженность межэтнических отношений, наоборот, чаще указывает на ощущение стыда за страну из-за неудовлетворительной работы властей, их бездействия, расхищении государственной собственности, алкоголизма, наркомании и преступности, распространенных в обществе, низкого уровня культуры и деградации молодого поколения. Для них наиболее высока значимость проблем низкого уровня показателей социальной сферы в крае, глобальных проблем, а также связанных с нарастанием межэтнической напряженности. Они чаще других говорят о том, что необходима политика по ужесточению контроля миграционных процессов (45,9%) и репрессивная политика (9,0%).

Среди жителей региона, указывающих на нормальные межэтнические взаимодействия больше русских (55,3%), чем представителей других национальностей (49,2%); среди отмечающих доброжелательность межэтнических взаимодействий – больше представителей других национальностей (38,3%, чем русских – 33,5%).

Наибольший уровень напряженности межэтнического взаимодействия наблюдается в начале исследования (в 2016 году, 14,3%), к 2020 году достигает минимума (8,1%). Самый низкий показатель нормальных межэтнических взаимодействий отмечен также в 2016 году (52,2%), самый высокий – в 2017 году (56,3%), в 2020 году составляет 54,6%. Доброжелательные межэтнические взаимодействия в начале исследования были на уровне 33,5%, к 2020 году их показатель увеличился до 37,3% (рисунок 2.2.4).

Рисунок 2.2.4 – Уровень межэтнического взаимодействия, по году проведения исследования, %.

Уровень социальной интеграции населения.

Среди жителей Алтайского края, которые отмечают высокий уровень социальной интеграции, больше тех, кто состоит в зарегистрированном браке (55,4%), чем среди других (указывающих на средний уровень – 45,4%, на низкий – 47,5%). Среди считающих уровень интеграции высоким и средним больше женщин (56,3% и 53,1%), чем мужчин (43,7% и 46,9%), а также тех, кто не желает переезжать куда-либо (61,7% и 50,5% соответственно; указывающие на низкий уровень – 42,5%).

Люди, выбравшие показатели, характеризующие низкий уровень интеграции, чаще указывают на «нейтральные» и «негативные» межэтнические взаимодействия. Они чаще указывали на причины антипатии к представителям других наций (не умение вести себя, отсутствие культуры, антипатия к их внешности и манере поведения).

Испытывают чувство вражды к лицам другой национальности чаще люди, отмечающие низкий уровень интеграции (16,2%), чем средний (13,7%) и высокий (10,5%). Такая же закономерность наблюдается при ответах на вопрос о чувстве вражды к себе с их стороны (6,7%, 8,5% и 11,7% соответственно). Жители, указывающие на низкий уровень интеграции, чаще отмечают ухудшение

межнациональных отношений за последний год. Для них наиболее значимо утверждение о том, что наша страна многонациональна, однако, русские, являясь большинством, и являясь ответственными за судьбу страны должны обладать большими правами (41,3%). Среди людей с высоким и средним уровнем социальной интеграции наиболее актуально выражение, характеризующее нашу страну как дом различных народов (55,5% и 51,8% соответственно). Люди, отмечающие высокий уровень социальной интеграции чаще ни чего негативного в присутствии мигрантов в обществе не видят (34,0%), а также чаще указывают на скорее положительное (16,7%) и дружелюбное отношение (12,7%) к ним, реже говорят о возможности конфликтов между населением региона и приезжими (20,5%), конфликтов на национальной почве (20,3%). Они, в основном, не являлись свидетелями ссор по причине межэтнической неприязни (75%), не ощущают напряженность в межэтнических отношениях (85,1%). Жители края, относящие себя к русским, чаще указывают на высокий уровень социальной интеграции (54,8% – русские, 47,4% – представители других национальностей).

Высокий уровень интеграции в начале исследования составляет 51,9%, в 2018 году достигает своего максимума (60,2%), в 2020 году составляет 54,7% (рисунок 2.2.5).

Рисунок 2.2.5 – Уровень социальной интеграции населения, по году проведения исследования, %.

Для того, чтобы проанализировать взаимосвязь между двумя исследуемыми переменными («уровень межэтнического взаимодействия») и «уровень социальной интеграции населения») дополнительно был использован непараметрический статистический критерий Манна-Уитни, который используется с целью оценки различий между двумя независимыми выборками. Достоверный уровень значимости ($p < 0,05$) указывает на достоверные различия между показателями (таблица 2.2.1).

Таблица 2.2.1 – Статистики критерия для выявления различий между двумя переменными «уровень межэтнического взаимодействия» и «уровень социальной интеграции населения» (непараметрический статистический критерий Манна-Уитни)

Статистики критерия ^a	
Статистика U Манна-Уитни	18947,500
Статистика W Уилкоксона	37668,500
Z	-13,038
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,0001

В группе с низким уровнем социальной интеграции чаще указывают на напряженные отношения между представителями разных национальностей (17,4%), чем в группе со средним уровнем (13,3%) и в группе с высоким уровнем (9,3%). Доброжелательность таких отношений, наоборот, чаще отмечают в группе с высоким уровнем интеграции (40,4%), чем в группе со средним (31,0%) и низким (24,9%) ее уровнем (таблица 2.2.2, рисунок 2.2.6). Новые переменные «уровень межэтнического взаимодействия» и «уровень социальной интеграции населения» взаимообусловлены.

Таблица 2.2.2 – Взаимообусловленность показателей «уровень межэтнического взаимодействия» и «уровень социальной интеграции населения», %.

Уровень межэтнического взаимодействия / уровень социальной интеграции населения	низкий уровень социальной интеграции (индивидуально-личностный)	средний уровень социальной интеграции (социально-групповой)	высокий уровень социальной интеграции (институциональный)
напряженные межэтнические взаимодействия (противодействие)	17,40%	13,30%	9,30%
нормальные межэтнические взаимодействия (воздействие)	57,70%	55,70%	50,30%
доброжелательные межэтнические взаимодействия (содействие)	24,90%	31,00%	40,40%

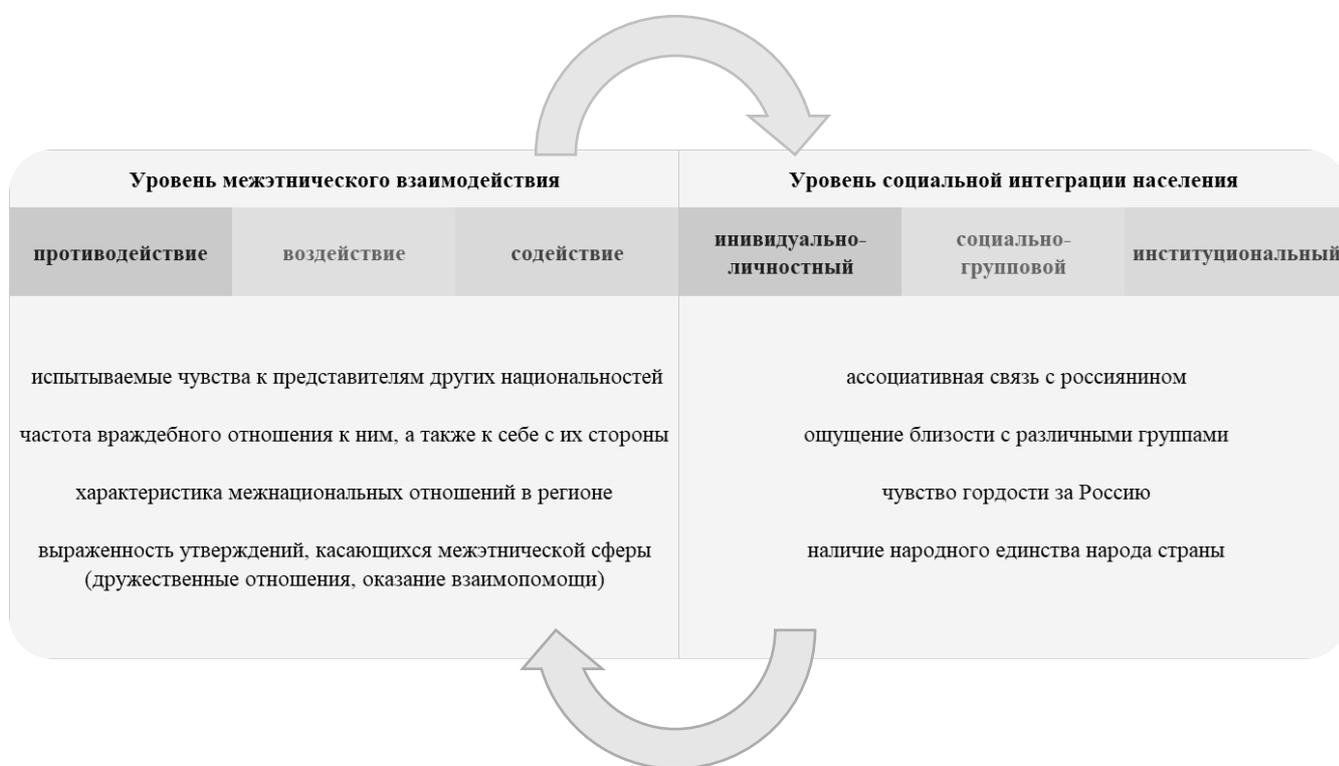

Рисунок 2.2.6 – Взаимообусловленность показателей: «уровень межэтнических взаимодействий» и «уровень социальной интеграции населения».

Таким образом, межэтнические взаимодействия в Алтайском крае характеризуются как стабильные, благоприятные, к представителям других национальностей жители региона, в основном, испытывают нейтральные или положительные чувства. Невысокий уровень нетерпимости существует. Как правило, он связан с испытываемым чувством антипатии местными жителями по отношению к народам Средней Азии и народам Кавказа.

Выделено три фактора, обуславливающих ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия в регионе:

институциональный, характеризующий деятельность институтов гражданского общества, краевых органов власти в рамках государственной национальной политики как плодотворную, результативную, сосредоточенную на развитии национальных культур различных национальностей региона, на готовность прийти на помощь диаспорам и национальным меньшинствам;

социально-психологический, указывающий на то, что для населения Алтайского края характерны предубеждения, стереотипное мышление, препятствующие формированию в регионе неконфликтных, дружественных межэтнических отношений;

интеграционный, отражающий положение в межэтнических взаимодействиях региона с точки зрения интеграции, уважения и положительного отношения к лицам других национальностей, их языку, обычаям, традициям.

Выделены три категориальных уровня проявления межэтнических взаимодействий: противодействие, воздействие, содействие. Социальная интеграция имеет три уровня выраженности: индивидуально-личностный, социально-групповой, институциональный.

Процесс межэтнического взаимодействия (рассмотренный посредством следующих показателей: испытываемые чувства к представителям других национальностей, частота враждебного отношения к ним, а также к себе с их стороны, характеристика межнациональных отношений в регионе, выраженность утверждений, касающихся межэтнической сферы (дружественные отношения, оказание взаимопомощи)) и процесс социальной интеграции населения (включающий показатели: ассоциативная связь с россиянином, ощущение близости с группами, чувство гордости за Россию, наличие народного единства жителей страны) взаимообусловлены.

2.3. Деятельность национально-культурных объединений Алтайского края в рамках межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения

Для современного российского общества большое значение имеют различные общественные объединения, которые являются формой проявления социальной активности населения. Особую значимость в полиэтничном социуме имеют национально-культурные объединения. Они играют важную роль в общественном развитии [91]. В гражданском обществе национально-культурные объединения выполняют важнейшую интегративную функцию (через обособление, то есть национально-культурное самоопределение, к объединению в общенациональную, общегражданскую культуру) [109]. Данные организации играют большую роль в поддержании высокого уровня социальной интеграции населения. В настоящее время количество национально-культурных объединений постоянно увеличивается, что свидетельствует о высоком уровне их значимости.

В Алтайском крае в 2019 году было зарегистрировано 55 национально-культурных объединений, к 2021 году их количество достигло 57. В регионе активную работу ведет ассоциация национально-культурных объединений [96]. В работе «Лучшие практики этнокультурной деятельности организаций некоммерческого сектора в Алтайском крае» охарактеризованы направления работы, технологии и методы достижения гражданско-политической целостности и развития интеграционных этнокультурных проектов, повышения роли этнических сообществ в развитии структур гражданского общества [78].

Деятельность национально-культурных организаций в крае регулирует Совет по реализации государственной национальной политики Алтайского края [134]. В целях укрепления единства многонационального народа, проживающего на территории региона, и совершенствования реализации государственной национальной политики в Алтайском крае утверждена государственная программа «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» на 2017-2021 годы [6]. Совместная деятельность органов власти и

институтов гражданского общества позволяет обеспечивать координацию политики в национальной сфере, стратегию этнокультурного развития региона.

В Алтайском крае был проведен экспертный опрос (на основе полуструктурированного интервью) руководителей национально-культурных организаций. Образование экспертов в основном высшее профессиональное (78,3%) и послевузовское (два высших образования, аспирантура, ординатура, ученая степень) – 14,8%. Эксперты занимают такие должности как директор, исполнительный директор, председатель, заместитель председателя, президент организации; являются членами правления. Большая часть из них проживает в данном населенном пункте более 10 лет (57,5%), с рождения (37,5%).

В исследовании была проведена оценка того, в какой степени взаимодействуют национально-культурные организации между собой, и как оценивают результаты совместной работы их руководители. Ключевыми партнерами организаций выступают региональные органы государственной власти (76,1%), органы местного самоуправления (76,1%), некоммерческие организации (61,1%), государственные и муниципальные учреждения (56,6%). Отмечено, что в 2019 году, руководители наиболее часто указывали на партнерские отношения с органами власти и некоммерческими организациями. Партнерские отношения с частными организациями и бизнес структурами для руководителей были актуальны в начале исследования (2016 год – 41,7%), однако к 2020 году на партнерство с ними стали указывать реже (21,1%). Не так часто в партнерских отношениях национально-культурные организации состоят с Региональной общественной палатой (23,9%), органами правопорядка (12,4%), иностранными некоммерческими фондами (8,8%), другими организациями (11,5%), среди которых, например, учебные заведения. Партнерские отношения с филиалами иностранных некоммерческих организации полностью отсутствуют в 2017 и в 2020 годы, для организаций региона в 2016, 2018 и 2019 годах они присущи (4,2%, 3,3% и 4,8% соответственно).

Некоммерческие организации региона находятся в постоянном взаимодействии с Администрацией региона, Администрацией органа местного

самоуправления, управлением Минюста России в регионе, Советом по межнациональным отношениям при органе исполнительной власти региона. Взаимодействие с Администрацией Алтайского края достигло максимума в 2017 году (100,0%), в остальные годы было менее актуально. На протяжении исследования наблюдается рост сотрудничества с Советом по межнациональным отношениям при органе исполнительной власти региона, в 2016 году с ним взаимодействовали 60,0% организаций, к 2020 году их уже 88,2%. Реже стали взаимодействовать с Управлением Минюста России в регионе (84,0% – в 2016 году, 70,6% – в 2020 году).

О значимости успешного взаимодействия национально-культурных организаций и органов государственной власти утверждают политики. Депутат Государственной думы Гильмутдинов И.И. отмечает, что «сегодня государству на всех уровнях нужны партнеры для реализации мероприятий в области национальной политики в лице национально-культурных организаций» [7]. Важность поддержки со стороны государства подтверждается и результатами другого исследования (опрос лидеров некоммерческих организаций, 2013 г., Ульяновская область). В ходе интервьюирования экспертов они отметили, что при решении социально значимых проблем важной является поддержка государством структур гражданского общества»; «без этого в нашей стране сложно решать вопросы социальной интеграции» [163].

Взаимодействие национально-культурных организаций с органами государственной власти в основном проявляется в формате участия в мероприятиях, которые проводятся органами власти (на этот вариант ответа указали 99,1% экспертов), в информационной поддержке (69,0%), в участии в работе общественных советов и палат (67,2%), в виде получения организационной, правовой поддержки со стороны органов власти (47,4%), финансовой поддержки (44,8%).

Такая форма взаимодействия как участие организации в работе общественных советов, палат наиболее популярна было среди руководителей в 2020 году (84,2%). О финансовой помощи со стороны органов власти эксперты

реже говорили в 2016 году (28,0%), в последующие годы такую форму поддержки указывали чаще (2017 год – 45,0%, 2018 год – 50,0%, 2019 год – 54,5%, 2020 год – 47,4%). Участие в разработке или экспертизе нормативных правовых актов в сфере государственной национальной политики экспертами в начале и по окончании исследования была отмечена редко (в 2016 году в 4,0% случаях, в 2020 году в 5,3% случаях), однако в 2017, 2018 и 2019 годах указывалась чаще (по 30% в 2017 и в 2018 гг., и 27,3% в 2019 году). На официальном сайте Алтайского края указано, что Администрация субъекта регулярно проводит мероприятия, направленные на обеспечение взаимодействия руководителей этнических диаспор и национально-культурных общественных объединений с органами власти [111]. Отмечено активное взаимодействие органов власти и НКО, проявляющееся в различных формах.

Частота взаимодействия с органами государственной власти зависит от их уровня. Большая часть экспертов отмечает, что с муниципальными органами власти взаимодействуют часто (57,9%), с региональными – часто (45,9%) или время от времени (45,9%), взаимодействие с федеральными органами власти большинство специалистов характеризует как редкие (вариант ответа «часто» выбрали только 13,4 % экспертов). Это объясняется тем, что основные текущие вопросы руководители организаций сначала пытаются решать на местах, и только в редких случаях обращаются к Федеральным органам власти.

Отмечен высокий уровень частого взаимодействия с органами государственной власти всех уровней (муниципального, регионального и федерального) в 2016 и 2019 годах (рисунок 2.3.1).

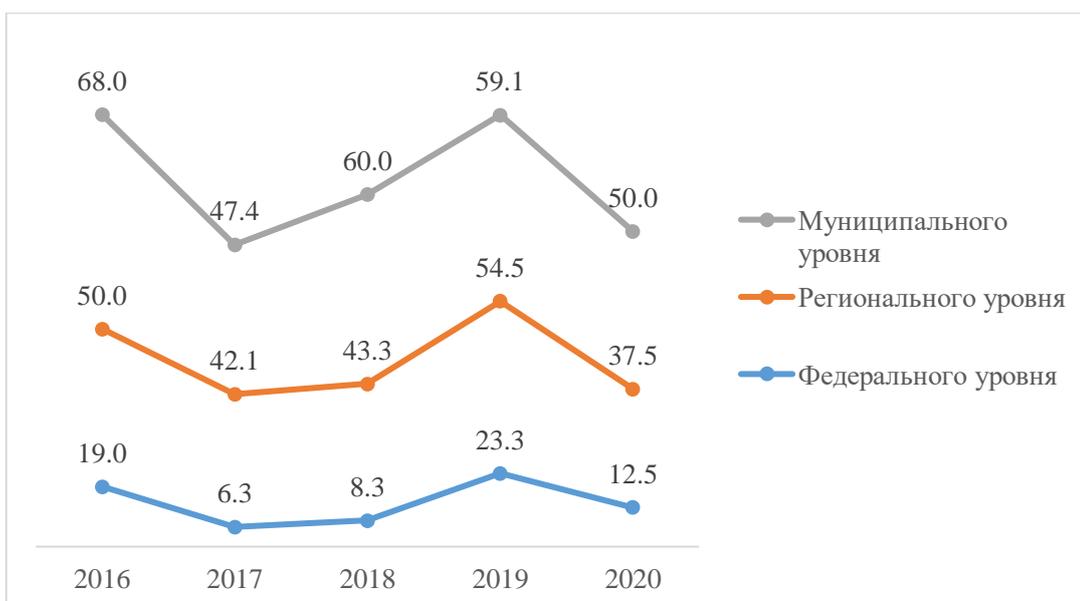

Рисунок 2.3.1 – Частота взаимодействия с органами государственной власти разного уровня, по году проведения исследования, %.

Итогами работы с органами власти руководители национально-культурных организаций преимущественно удовлетворены (вариант ответа «чаще удовлетворен» выбран в 63,6% и 69,0% случаях). Итоги взаимодействия с федеральными органами власти многие эксперты затрудняются оценить (41,3%), процент удовлетворенных итогами взаимодействия тут значительно ниже (вариант ответа «чаще удовлетворен» выбран в 33,7% случаях).

Наиболее высоко удовлетворенность результатами взаимодействия с органами государственной власти всех уровней руководители оценили в 2019 году (по 76,2% органы власти федерального и регионального уровня, 47,4% органы власти муниципального уровня). В 2020 году 81,3% руководителей отметили удовлетворенность совместной работой с региональными органами власти, это является самым высоким показателем за весь период исследования (рисунок 2.3.2).

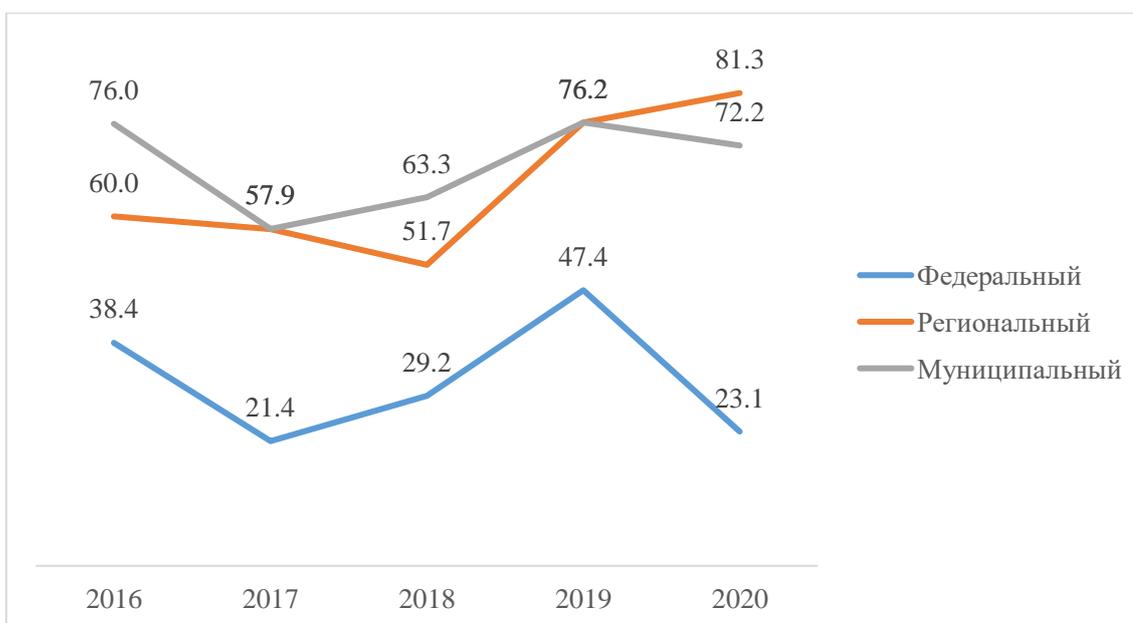

Рисунок 2.3.2 – Удовлетворенность результатами взаимодействия организации с органами государственной власти разных уровней, по году проведения исследования, %.

Почти все эксперты подтверждают, что они взаимодействуют с другими национально-культурными некоммерческими организациями (96,6%). Регулярность таких взаимодействий оценивается в основном как достаточно частая (74,3%), остальные выбрали вариант ответа «довольно редко» (6,2%), и «иногда» (19,5%). На полное отсутствие всех взаимодействий не указал ни один руководитель. Частые взаимодействия с другими региональными НКО отмечали 84,0% руководителей в 2016 году, в остальные годы исследования этот показатель был ниже (2017 год – 65,0%, 2018 год – 75,9%, 2019 год – 75,0%, 2020 год – 68,4%).

Результаты совместной работы руководителей организаций с коллегами в основном удовлетворяют (вариант ответа «чаще удовлетворен» выбран в 77,0% случаях). Данный вариант ответа был наиболее популярен среди экспертов в 2016 году (84,0%) и в 2020 году (84,2%). В 2017 году этот показатель составил только 65,0%, остальные указали на вариант ответа «Когда как, иногда удовлетворен, иногда нет» (25,0%), «чаще не удовлетворен» (5,0%) и затрудняюсь ответить (5,0%). Как правило, это взаимодействие с объединениями, находящимися в том же населенном пункте (86,0% наблюдений), в том же регионе (78,1%

наблюдений), а также на территории других регионов (62,3% наблюдений). Часть экспертов указывают на взаимную работу с организациями, функционирующими в странах СНГ (31,6% наблюдений) и за рубежом (12,3% наблюдений).

Взаимодействие заключается в совместном участии в мероприятиях, в работе общественных советов, палат, в совместной реализации проектов. Между организациями налажен информационный обмен (68,4% наблюдений). Кроме этого, часть организаций получают имущественную (6,1%) и финансовую (6,1%) поддержку от других. В 2020 году все эксперты (100,0%) отметили, что участвуют в мероприятиях, проводимых другими НКО, хотя в начале исследования на это указали только 80,0% руководителей. За время исследования также увеличился процент экспертов, отмечающих совместную реализацию проектов и программ (2016 год – 28,0%, 2017 год – 35,0%, 2018 год – 62,1%, 2019 год – 61,9%, 2020 год – 57,9%). Отмечено, что наиболее часто финансовую поддержку руководители организаций получали от других в 2019 году (19,0%), хотя в 2016 и в 2020 годах на такую поддержку не указал ни один из экспертов. В 2019 году также чаще всего эксперты указывали на информационный обмен с другими организациями. В 2018 году 17,2% организациями была получена имущественная поддержка, хотя в остальные годы этот показатель был менее выражен (2016, 2017 годы – на него не указал ни один из экспертов, 2019 год – 4,8%, 2020 год – 5,3%).

С этническими диаспорами у большинства национально-культурных организаций налажено взаимодействие (часто взаимодействуют – 36,1%, время от времени – 34,3%). Однако есть руководители, которые взаимодействуют с ними редко (14,8%) или вообще никогда (14,8%). С религиозными организациями руководители НКО взаимодействуют менее активно («часто» – 25,0%, «время от времени» – 23,1%, «редко» – 23,1%, «никогда» – 28,8%). За весь период исследования частота взаимодействия национально-культурных организаций как с этническими диаспорами (с 50,0% до 22,2%), так и с религиозными организациями (с 33,3% до 6,7%) уменьшается (рисунок 2.3.3).

Рисунок 2.3.3 – Частота взаимодействия НКО с этническими диаспорами / религиозными организациями, по году проведения исследования, %.

У национально-культурных организаций региона налажена взаимная работа с Советом по вопросам реализации государственной национальной политики как региона («частое взаимодействие» – 36,3%, «взаимодействие время от времени» – 46,9%), так и органа местного самоуправления («частое взаимодействие» – 34,7%, «взаимодействие время от времени» – 37,6%). Однако, за время исследования отмечена тенденция снижения взаимодействия с ним (с 50,0% в 2016 году до 38,5% в 2020 году с советом городского/районного уровня; с 48,0% в 2016 году до 27,8% в 2020 году с советом краевого уровня) (рисунок 2.3.4).

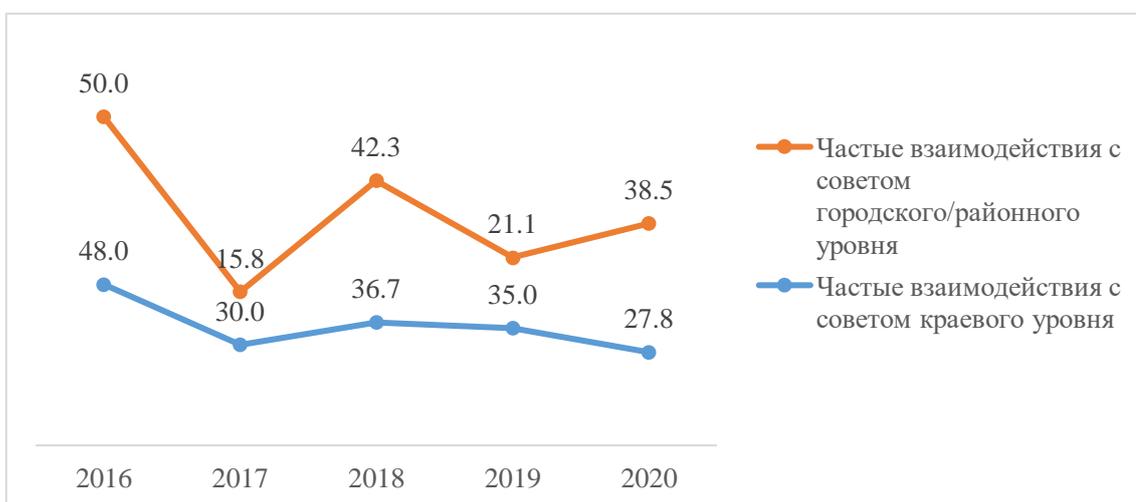

Рисунок 2.3.4 – Частота взаимодействия с Советом по вопросам реализации государственной национальной политики, по году проведения исследования, %.

Больше половины экспертов удовлетворены результатами взаимодействия организации с Советом региона (62,5%), и органа местного самоуправления (58,8%).

Национально-культурные организации активно взаимодействуют с другими некоммерческими организациями, работающими в других сферах (не национально-культурной) (61,4%). На довольно частую работу с ними указывают 32,1% экспертов, 43,2% специалистов говорят, что взаимодействуют «иногда». Больше половины экспертов довольны совместной с ними работой (57,5%).

Немного больше половины всех руководителей национально-культурных организаций (61,1%) являются членами какого-либо союза, ассоциации национально-культурных объединений. Количество таких руководителей за время проведения исследования увеличилось с 54,2% в 2016 году до 61,1% в 2020 году (максимальное значение было отмечено в 2019 году – 72,7%).

Количество организаций, имеющих какие-либо международные связи, изменялось в разные периоды исследования. Если в 2016 году их было 16%, в 2017 году – 10%, то в 2018 году их стало 41,4%. Однако после этого отмечено уменьшение (31,8% в 2019 году, 22,2 % в 2020 году).

По мнению экспертов, межнациональные отношения на период проведения исследования в регионе в целом были «нормальные, бесконфликтные» (62,1%) и «доброжелательные, способствующие общественному согласию» (30,2%), «напряженность и конфликтность» взаимодействий отметили 3,4% экспертов, «взрывоопасность, способность столкновения» – 0,9%.

При ответе на вопрос, об изменениях межнациональных отношений в регионе за последние три года, преобладающая часть экспертов отмечает, что они не изменились («какими были, такими и остались» – 62,1%), многие утверждают, что взаимоотношения стали более терпимыми (24,1%), на более напряженный характер отношений указывают 6,9% экспертов («они стали напряженнее, нетерпимее»). Специалисты отмечают, что на изменения межнациональных отношений в крае повлияла деятельность региональных (55,4%) и местных (53,8%) органов власти. Данные характеристики более актуальны в 2016, 2018 и

2020 годах. В 2017 году специалисты чаще (чем в другие периоды) отмечали важность влияния Президента страны (54,5% наблюдений), федеральных органов власти (правительство РФ, министерства, Государственная дума РФ) (36,4%), а также самого населения (36,4% наблюдений). Значимость национально-культурных объединений отметили все эксперты (52,3%). За время исследования среди экспертов увеличилась актуальность влияния таких факторов, как изменение внешней политики государства (с 29,4% в 2016 году до 50,0% в 2020). Влияние изменений межэтнических отношений в мире было актуально среди экспертов только в 2016 (11,8% наблюдений) и 2020 годы (16,7%).

Взгляды на дальнейшее развитие событий в сфере межнациональных отношений, в целом, имеют положительную направленность. Большинство экспертов утверждают, что они будут улучшаться (40,4%) или останутся без изменений (33,7%). За весь период исследования стало больше экспертов, которые не уверены в дальнейшем развитии ситуации. Если в 2016 году 4,0% не смогли ответить на этот вопрос, то к 2020 году их стало уже 26,3%. Кроме того, меньше экспертов считают, что в ближайшее время отношения улучшатся (48,0% в 2016 году, 26,3% в 2020 году). Однако, тех кто указывает на то, что они останутся без изменений стало больше (32,0% в 2016 году, 42,1% в 2020 году) (Таблица 2.3.1).

Таблица 2.3.1 – Дальнейшее развитие ситуации в сфере межэтнических отношений, в зависимости от года проведения исследования, %.

Дальнейшее развитие ситуации в сфере межнациональных отношений	2016	2017	2018	2019	2020
Улучшится	48,0	42,9	31,6	58,3	26,3
Останется без изменений	32,0	42,9	31,6	16,7	42,1
Ухудшится	4,0	7,1	15,8	8,3	5,3
Другое	12,0	0,0	10,5	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	4,0	7,1	10,5	16,7	26,3

Мнение экспертов на счет того, какая модель пребывания представителей этнических сообществ в принимающем обществе наиболее характерна для

современного положения в регионе, разделилось на три группы. А именно называют такие модели:

«Ассимиляция – полное уподобление принимающему обществу, принятие его ценностей, норм, традиций» (15,8%).

«Интеграция в среду принимающего общества без ассимиляции, т.е. с сохранением своей обособленности и самобытности этноса» (28,9%).

«Адаптация в принимающем обществе с принятием некоторых его норм, но с сохранением собственной национально-культурной самобытности» (39,5%).

Национально-культурные объединения вносят значимый вклад в содействие социальной интеграции населения. Специалисты указывают на то, что роль организаций выражается в проведении мероприятий, направленных на формирование бесконфликтного взаимодействия между этническими меньшинствами и принимающим обществом (88,1% наблюдений), в участии в реализации программ, направленных на социальную интеграцию этнических сообществ в принимающее общество (49,5% наблюдений).

Кластерный анализ позволил изучить мнение экспертов относительно межэтнической ситуации региона. Было выделено 3 кластера (таблица 2.3.2).

В первый кластер вошли 27,3% экспертов, позиция которых отражает нормальность, средние значения относительно региональных межэтнических отношений. На их взгляд, для современного социума характерна адаптация в принимающем обществе с принятием некоторых его норм, но с сохранением собственной национально-культурной самобытности. Они указывают на то, что межэтнические взаимодействия в регионе характеризуются как нормальные, бесконфликтные, за последние годы не изменялись, и вероятнее всего останутся без изменений.

Мнение экспертов, вошедших во второй кластер, отражает положительные оценки на ситуацию в сфере межэтнических отношений. Включает в себя 54,5% руководителей национально-культурных организаций, описывающих межнациональные отношения в крае как доброжелательные, способствующие общественному согласию, за последние три года они стали более терпимыми, а в

дальнейшем будут только улучшаться. Для общества на их взгляд характерна ассимиляция.

Третий кластер является самым малочисленным, в него вошли 18,2% экспертов, оценки которых разделены между отрицательными вариантами ответов и вариантом «затрудняюсь ответить».

Таблица 2.3.2 – Результаты кластерного анализа, %.

Кластер 1		Кластер 2		Кластер 3	
Адаптация в принимающем обществе с принятием некоторых его норм, но с сохранением собственной национально-культурной самобытности	33,3	Ассимиляция – полное уподобление принимающему обществу, принятие его ценностей, норм, традиций	70	Модель пребывания представителей этнических сообществ в принимающем обществе наиболее характерна для современного положения (Затрудняюсь ответить)	71,4
Отношения между людьми различных национальностей в вашем регионе (Нормальные, бесконфликтные)	39,3	Отношения между людьми различных национальностей в вашем регионе (Доброжелательные, способствующие общественному согласию)	72,7	Отношения между людьми различных национальностей в вашем регионе (Затрудняюсь ответить)	100
Межнациональные отношения за последние три года (Какими были, такими и остались)	62,5	Межнациональные отношения за последние три года (Стали более терпимыми)	100	Межнациональные отношения за последние три года стали напряженнее, нетерпимее	100
Ситуация в сфере межнациональных отношений (Останется без изменений)	72,2	Ситуация в сфере межнациональных отношений (Улучшится)	91,7	Ситуация в сфере межнациональных отношений ухудшится	75

Мнение экспертов на ситуацию в сфере межнациональных отношений в регионе не однозначно, представлено тремя позициями. Первая свидетельствует о нормальных бесконфликтных отношениях. Вторая позиция является наиболее значимой, в связи с тем, что ее придерживаются более половины экспертов, указывает на положительные аспекты межэтнических отношений в регионе. Третья позиция отражает напряженность, конфликтность, а также включает в себя ответы экспертов, указывающие на их сомнения, трудность в ответе на поставленные вопросы.

Среди наиболее эффективных мер по укреплению межнациональных взаимодействий эксперты отмечают: вовлечение органами власти НКО к

подготовке мероприятий (71,0% наблюдений); финансовая помощь на организацию этнокультурных мероприятий (69,9%); привлечение молодежи к участию в мероприятиях этнокультурной тематики (66,7%); открытие дома дружбы народов, строительство национальной деревни (65,6%); оказание помощи в содержании помещений некоммерческих организаций (60,2%). За весь период исследования отмечен рост такой меры, как «Социальное партнерство и межсекторное взаимодействие» (с 16,0% в 2016 году до 40,0% в 2020 году). Эксперты более высокую значимость стали придавать изучению языка, культуры, традиций и обычаев других народов (36,0% в 2016 году, 58,3% в 2019 году). Оказание органами власти организационной и консультативной помощи руководителям НКО максимально была отмечена в 2018 (71,4%) и в 2020 году (70,0%) (рисунок 2.3.5). Меры, предложенные руководителями национально-культурных организаций, определенным образом перекликаются с запланированным перечнем мероприятий государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» на 2017-2021 годы.

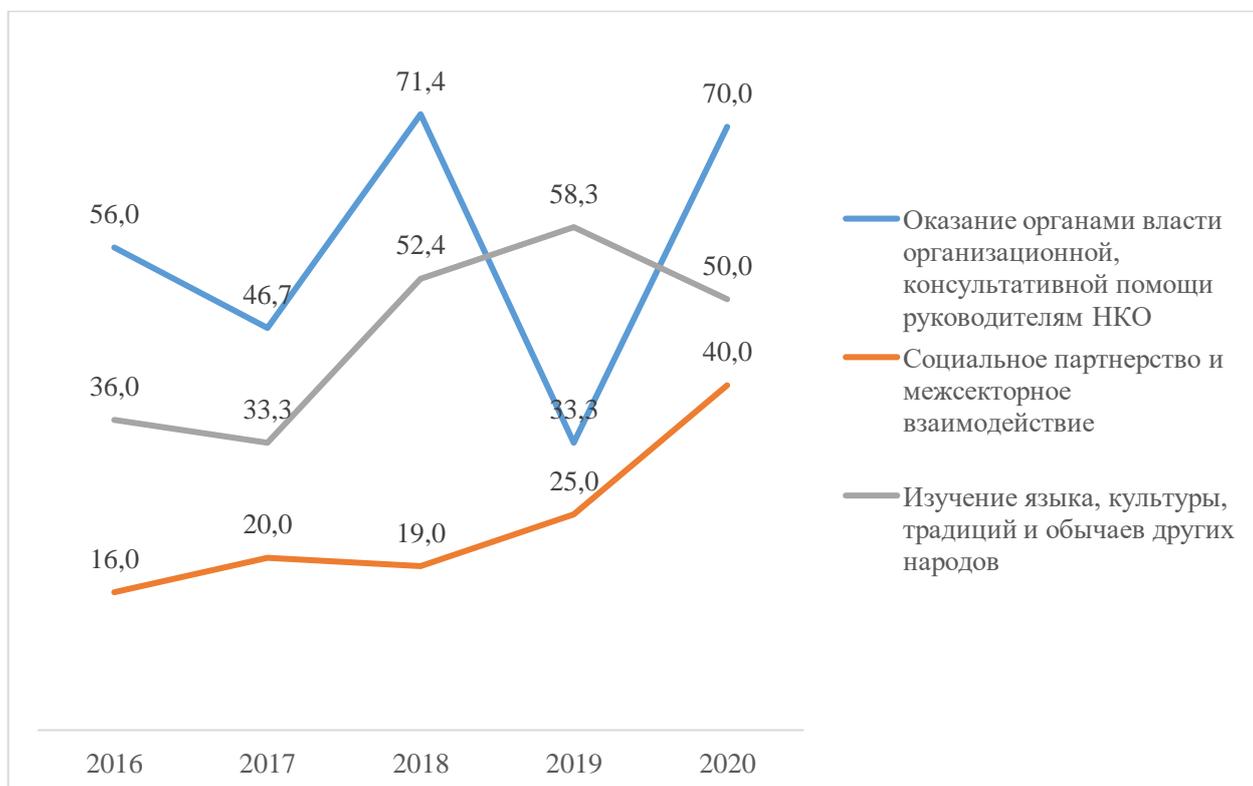

Рисунок 2.3.5 – Эффективные меры по укреплению межэтнических отношений, по году проведения исследования, % наблюдений в оценках экспертов.

Экспертам было предложено оценить выраженность утверждений, касающихся их отношения к национально-культурным организациям, к современной ситуации в сфере межнациональных отношений региона, к работе органов государственной власти в данной сфере, к отношению населения и этнических диаспор к национально-культурным организациям и уровень доверия к ним. В результате факторного анализа было получено шесть факторных моделей (2016 год, 2017 год, 2018 год, 2019 год, 2020 год и общая модель).

Общая факторная модель имеет трехфакторную структуру (общая доля объясненной дисперсии 73,281) (таблица 2.3.3).

Таблица 2.3.3 – Общая трехфакторная модель, %.

<i>Фактор 1. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (информативность 52,8%)</i>	
Работа органов власти по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года	0,893
Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений	0,879
Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе	0,876
Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания	0,871
Эффективность реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 602 "Об обеспечении межнационального согласия"	0,863
Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично	0,813
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	0,634
<i>Эффективная реализация исполнительной властью следующих полномочий и функций:</i>	
а) контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики	0,928
б) поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей	0,907
в) поддержка национально-культурных общественных объединений	0,890
г) поддержка конфессий, религиозных организаций	0,854
<i>Фактор 2. Высокий уровень доверия населения деятельности НКО, этнических диаспор, стремление к объединению (информативность 12,5%)</i>	
Уровень доверия населения деятельности национально-культурных некоммерческих организаций	0,828
Уровень доверия населения деятельности этнических диаспор	0,802
Стремление людей объединяться, чтобы вместе защищать национально-культурные интересы	0,732
<i>Фактор 3. Напряженная ситуация в сфере межэтнических отношений (информативность 8,1%)</i>	
Напряженность в межнациональных отношениях	0,524
Возможность столкновений на национальной почве	0,654

Факторная модель за 2016 год имеет четыре фактора (общая доля объясненной дисперсии 81,1%):

1 фактор. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (информативность равна 39,9%).

2 фактор. Совместная эффективная деятельность национально-культурных организаций, органов власти и населения (25,8%).

3 фактор. Напряженная ситуация в сфере межэтнических отношений (17,2%).

4 фактор. Представители всех национальностей имеют равные права, однако существует необходимость в проведении мер по сохранению культуры и традиций разных национальностей (7,1%).

Пятифакторная модель за 2017 год (общая доля объясненной дисперсии 96,2%) представлена следующим образом:

1 фактор. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (61,9%).

2 фактор. Активная деятельность населения в защите и развитии своих интересов, а также поддержка национально-культурных организаций, конфессий (18,0%).

3 фактор. Органы власти отстаивают интересы представителей всех национальностей, население оказывает высокое доверие деятельности этнических диаспор (5,9%).

4 фактор. Ситуация в межэтнических отношениях региона напряженная, необходима поддержка культур и традиций представителей разных национальностей (4,9%).

5 фактор. Акцент на поддержке коренных малочисленных народов и диалоге государства и этнических диаспор и национальных меньшинств (3,6%).

Факторная модель 2018 года описана тремя факторами (общая доля объясненной дисперсии 85,9%):

1 фактор. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (43,2%).

2 фактор. Представители всех национальностей имеют равные права, поддержка со стороны государства (21,7%).

3 фактор. Существует необходимость в проведении мер по сохранению культуры и традиций разных национальностей, отмечено стремление самого населения в рамках данного вопроса, а также высокий уровень доверия к национально-культурным организациям и этническим диаспорам (9,9%).

Факторная модель 2019 года (общая доля объясненной дисперсии 84,8%) представлена четырьмя факторами:

1 фактор. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (55,9%).

2 фактор. Органы власти отстаивают интересы представителей всех национальностей, население оказывает высокое доверие деятельности этнических диаспор, национально-культурных организаций (13,1%).

3 фактор. Органы власти отстаивают интересы представителей всех национальностей, решают возникающие конфликты (8,9%).

4 фактор. Эффективная государственная национальная политика, доверие населения деятельности этнических диаспор, однако столкновения на национальной почве возможны (6,9%).

Пятифакторная модель за 2020 год (общая доля объясненной дисперсии 87,6%) представлена следующим образом:

1 фактор. Эффективная работа органов государственной власти в сфере межэтнического взаимодействия (43,0%).

2 фактор. Акцент на поддержке коренных малочисленных народов, национально-культурных объединений, конфессий, диалоге государства и этнических диаспор и национальных меньшинств (19,0%).

3 фактор. Напряженная ситуация в сфере межэтнических отношений (11,5%).

4 фактор. Высокий уровень доверия населения деятельности этнических диаспор (8,3%).

5 фактор. Органы власти отстаивают интересы представителей всех национальностей, население оказывает высокое доверие деятельности национально-культурных организаций (5,8%).

Таким образом, взгляд экспертов на современную региональную картину межэтнических отношений не един. На основе анализа факторных моделей выделено четыре фактора, обуславливающих ситуацию в сфере межэтнических взаимодействий. Первый, наиболее значимый, указывает на успешную и эффективную работу региональных органов власти в сфере межэтнических отношений. Вторая позиция отмечает справедливость, наличие равных прав, распределений всех благ в независимости от национальной принадлежности, высокий уровень доверия населения деятельности НКО, этнических диаспор.

Третья позиция подчеркивает совместную деятельность населения, национально-культурных организаций, этнических диаспор и государства, отстаивание интересов представителей всех национальностей. Четвертая позиция характерна только для 2016, 2017, 2019 и 2020 годов исследования. В ней эксперты отмечают напряженность в сфере межэтнических отношений в регионе (в 2018 году данная позиция не представлена).

Таким образом, национально-культурные объединения, как форма национально-культурного самоопределения граждан Российской Федерации, выполняют важнейшую интегративную функцию. В Алтайском крае эффективно реализуется государственная национальная политика, одно из направлений деятельности которой заключается в поддержке диалогичных отношений между органами государственной власти и национально-культурными объединениями. Ключевыми партнерами таких организаций выступают органы местного самоуправления, региональные органы государственной власти, государственные и муниципальные учреждения. Они находятся в постоянном взаимодействии с Администрацией региона, управлением Минюста России в регионе, Администрацией органа местного самоуправления, Советом по межнациональным отношениям при органе исполнительной власти региона. Взаимодействие заключается в участии в мероприятиях, которые проводят органы власти, в информационной поддержке со стороны органов власти, в участии в работе общественных советов и палат. Результатами взаимодействия эксперты преимущественно удовлетворены, оно характеризуется как активное и эффективное.

Экспертное мнение относительно межэтнических взаимодействий в регионе неоднозначно, представлено тремя позициями:

доброжелательные межэтнические взаимодействия, способствующие общественному согласию, которые в дальнейшем будут только улучшаться (наиболее распространенная позиция среди экспертов);

нормальные бесконфликтные взаимодействия, которые останутся без изменений;

напряженные отношения, которые в дальнейшем будут ухудшаться. Данная позиция включает в себя также мнения экспертов, который выразили сомнения и трудность в ответе на поставленные вопросы.

Ситуацию в сфере межэтнических взаимодействий в регионе обуславливают четыре фактора: эффективность национальной политики в регионе; равноправие представителей всех национальностей, проживающих в крае; продуктивная совместная деятельность институтов гражданского общества, органов власти и населения; небольшой уровень напряженности в сфере межэтнических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная интеграция населения приграничного региона рассматривается как процесс включения индивидов во все сферы жизнедеятельности общества, успешность которого зависит от гармоничных межличностных, межгрупповых, межкультурных взаимоотношений на территории приграничного региона. С давних времен многие отрасли науки, научные направления и школы анализировали и анализируют особенности социальной интеграции, накоплен большой объем теоретической научной литературы. Значимое внимание процессу интеграции уделяется в работах представителей структурного функционализма (Дюркгейма Э. и Парсонса Т.). Процесс интеграции рассматривается в рамках теории структуризации и сопряженной с ней концепцией социальных институтов, социальной и системной интеграции (Гидденс Э.). Интеграция, как заключительный этап межкультурной компетенции, итог процесса межкультурного обучения, представлена в модели развития межкультурной чувствительности Беннета М. В науке существует множество теорий, которые изучают социальную интеграцию с точки зрения разных аспектов, что позволяет представить ее как сложное явление общественной жизни. Однако, цельной и единой теории, которая бы давала четкое определение понятию социальная интеграция и называла универсальные основания для интеграции индивида, общества, нет.

Для нашей страны значимым является то, насколько успешно социальная интеграция проходит в ее регионах, особенно приграничных. В связи со своим особенным положением приграничные регионы имеют определенные особенности, зависящие от политической деятельности субъекта, темпов социально-экономического развития, географического положения, отношений со странами-соседями, этнического состава региона, специфичности этнических процессов и т.д. Для них характерны как преимущества (связанные с близостью зарубежных стран, сотрудничеством с ними), так и ограничения (отдаленность от центральной части страны, пограничный режим и пр.). Социальная интеграция в приграничных регионах России имеет определенную специфику, на которую

вливают особенности проявления межэтнического взаимодействия. Благоприятное межэтническое взаимодействие является одним из важных условий успешной социальной интеграции населения.

Взаимодействие – достаточно сложное явление, оно имеет различные формы проявления (кооперация, конкуренция, конфликт), может быть солидарным и враждебным (Сорокин П.). Существуют различные виды межэтнического взаимодействия, которые в свою очередь также имеют различные формы (содействие, воздействие, противодействие). В любом межэтническом взаимодействии важны процессы этнической адаптации, этнической аккультурации, этнокультурной социализации, результатом которой является этнокультурная компетентность (если социализация прошла успешно). Межэтническое взаимодействие осуществляется на разных уровнях: коммуникативном, интерактивном, перцептивном (Попков В.Д., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П.); институциональном, межгрупповом, межличностном (Арутюнян Ю.В.). На него в различных ситуациях могут влиять социальные, психологические, культурные факторы, которые различным образом сказываются на ситуации в межэтническом взаимодействии, при неблагоприятном стечении обстоятельств могут приводить к межнациональным конфликтам.

Проблема межнациональных конфликтов для Российской Федерации сегодня достаточно актуальна. Природа межэтнических конфликтов может быть различной: политической, социально-экономической, территориальной, культурно-языковой (Вартаньян Э.Г.). Конфликты проявляются на разных уровнях: личностном, групповом, а также конфликты, между двумя этническими сообществами (Налчаджян А.А.). Межнациональные конфликты появляются под воздействием определенных факторов и причин: объективных, субъективных (Кокшаров Н.В.), первичных, вторичных (Жуков А.А.). Предотвращению и недопущению межэтнических конфликтов способствует межнациональное общение, высокий гармоничный уровень которого воспитывает взаимоуважение у людей разных национальностей, помогает в интеграции наций. Этому содействует

политическая деятельность Российской Федерации (согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, на период до 2025 года).

В приграничных регионах особенное внимание уделяется миграционным процессам, которые также оказывают влияние на социальную интеграцию населения. Миграция представлена как сложное явление, которое может неоднозначно влиять на социально-экономическую ситуацию в стране и регионах. С одной стороны, миграционный поток компенсирует демографические потери страны и восполняет нарастающий дефицит рабочей силы. С другой стороны, миграция является источником формирования различных угроз и опасностей. К ним можно отнести следующие: повышение конкуренции на рынке труда и вытеснение коренных жителей с рабочих мест, ухудшение социально-демографической структуры населения регионов, в результате неэквивалентного обмена и вымывания наиболее молодого, образованного и активного контингента, рост преступности, распространение наркотиков, угроза международного терроризма и другое.

Успешной социальной интеграции населения должна способствовать деятельность национально-культурных организаций. В настоящее время их количество постоянно увеличивается, что свидетельствует о высоком уровне значимости.

Результаты диссертационного исследования позволяют сделать ряд выводов:

1. Использование комплексной методологии, основанной на положениях структурного функционализма Парсонса Т, теории структуризации Гидденса Э., модели развития межкультурной чувствительности Беннета М., позволяет рассмотреть социальную интеграцию населения как многоаспектное, сложное явление общественной жизни.

2. На межэтнические взаимодействия в регионе оказывают влияние социальные, культурные, психологические факторы, посредством которых, в определенной степени, возможно минимизировать межэтническую

напряженность в обществе. Гармоничное межнациональное общение способствует предупреждению конфликтов на национальной почве.

3. Разработана комплексная социологическая методика исследования межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения, включающая анализ общественного мнения и мнения экспертов, позволяющая определить особенности проявления процессов межэтнического взаимодействия и социальной интеграции населения в современном региональном социуме, отразить их взаимообусловленность, а также проанализировать деятельность национально-культурных организаций.

4. Показатели социальной интеграции населения Алтайского края представлены как положительные: высокая степень близости с общностями (граждане России, жители своего населенного пункта, жители региона, люди одной национальности); испытываемое большей частью жителей края чувство гордости за свою страну; наличие народного единства в России, отмеченное более половиной населения региона; миграционные планы, которые имеют менее половины жителей края, в основном молодое поколение; редкое ущемление прав жителями региона.

5. Для жителей региона наиболее актуальны проблемы в социальной сфере, связанные с низким уровнем жизни, качеством образования и здравоохранения, безработицей, коррупцией; а также вопросы, носящие глобальный характер, отражающие плохую экологию, безопасность граждан. Проблемы, связанные с нарастанием межэтнической напряженности (ухудшение межэтнических отношений, нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами), не являются столь выраженными.

6. Ситуация в сфере межэтнического взаимодействия в Алтайском крае в целом носит стабильный, благоприятный, бесконфликтный характер. Однако определенный уровень нетерпимости существует, раздражение и неприязнь чаще испытывают к народам Средней Азии и народам Кавказа. Основными причинами негативного отношения являются не подобающее

поведение, не соблюдение обычаев нашей страны, угроза терроризма и враждебное отношение к русским.

7. Выделено три фактора, обуславливающих ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия в регионе: институциональный (характеризующий деятельность институтов гражданского общества, краевых органов власти в рамках государственной национальной политики как результативную, сосредоточенную на развитии национальных культур различных национальностей региона, на готовность прийти на помощь диаспорам и национальным меньшинствам); социально-психологический (указывающий на то, что для населения Алтайского края характерны предубеждения, стереотипное мышление, препятствующие формированию в регионе неконфликтных, дружественных межэтнических отношений); интеграционный (отражающий положение в межэтнических взаимодействиях региона с точки зрения интеграции, уважения и положительного отношения к лицам других национальностей, их языку, обычаям, традициям).

8. Процесс межэтнического взаимодействия, представленный на трех уровнях: противодействие, воздействие, содействие (рассмотренный посредством следующих показателей: испытываемые чувства к представителям других национальностей, частота враждебного отношения к ним, а также к себе с их стороны, характеристика межнациональных отношений в регионе, выраженность утверждений, касающихся межэтнической сферы) и процесс социальной интеграции населения, рассмотренный на индивидуально-личностном, социально-групповом, институциональном уровнях (включающий показатели: ассоциативная связь с россиянином, ощущение близости с группами, чувство гордости за Россию, наличие народного единства жителей страны) взаимообусловлены.

9. Национально-культурные объединения выполняют важнейшую интегративную функцию, вносят значимый вклад в содействие социальной адаптации и интеграции этнических сообществ в принимающее общество. Деятельность национально-культурных объединений Алтайского края в рамках

социальной интеграции населения характеризуется активным взаимодействием с органами местного самоуправления, региональными органами государственной власти, государственными и муниципальными учреждениями, другими некоммерческими организациями.

10. Экспертное мнение относительно межэтнических взаимодействий в регионе неоднозначно, представлено тремя позициями. Первая является наиболее распространенной, указывает на доброжелательные межэтнические взаимодействия, способствующие общественному согласию, которые в дальнейшем будут только улучшаться. Вторая позиция отражает нормальные бесконфликтные взаимодействия, которые останутся без изменений. Третья позиция представляет отношения как напряженные, которые в дальнейшем будут ухудшаться.

11. Ситуацию в сфере межэтнических взаимодействий в регионе, в оценках экспертов, обуславливают четыре фактора: эффективность национальной политики в регионе; равноправие представителей всех национальностей, проживающих в крае; продуктивная совместная деятельность институтов гражданского общества, органов власти и населения; небольшой уровень напряженности в сфере межэтнических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.07.2017).
2. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон № 82 от 30.04.1999 (с изм. и доп.). – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1999. – № 90. – Ст. 1.
3. О национально-культурной автономии : Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74 (с изм. и доп.). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 1.
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон Российской Федерации № 3612-1 от 09.10.1992 (изм. и допол. в ред. от 05.12.2017). – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1992. – № 248.
5. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) . – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – Режим доступа : по подписке.
6. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Реализаций государственной национальной политики в Алтайском крае» на 2017-2021 гг. : Постановление Правительства Алтайского края от 05.04.2017 № 110. – Текст : электронный // Официальный сайт Алтайского края. – URL: https://www.altairegion22.ru/upload/iblock/%E2%84%96110%D0%BF%D0%BF_05.04.2017.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
7. План деятельности федерального агентства по делам национальностей на 2016-2021 годы (утв. ФАДН России). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – Режим доступа : по подписке.
8. Алешина, М. В. Концептуализация социальной интеграции человека в стратегии формирования сплоченности российского общества / М. В. Алешина. – Текст : непосредственный // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 66-75.

9. Алешина, М. В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия / М. В. Алешина. – Текст : непосредственный // Вестник СГТУ. – 2012. – № 1 (68). – С. 216-222.
10. Алтай Трансграничный : официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». – URL: <http://altaiinter.alregn.ru/> (дата обращения 02.02.2021). – Текст : электронный.
11. Алтайский край и Россия: демографическая динамика за 30 лет. – Текст : электронный // : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – URL: <https://www.alt.ranepa.ru/> (дата обращения 15.03.2021).
12. Анипкин, М. А. Теория социальной и системной интеграции: истоки и развитие / М. А. Анипкин. – Текст : непосредственный // Logos et Praxis. – 2009. – № 2. – С. 80-83.
13. Арсентьева, И. И. Приграничные регионы в системе национальной безопасности России (на примере Забайкальского края) / И. И. Арсентьева. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 191-198.
14. Арутюнова, Е. М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере республики Саха (Якутия)) / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2021. – №2. – С. 83-100.
15. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. – Москва : Аспект-Пресс, 1998. – 271 с. – Текст : непосредственный.
16. Афанасьева, А. Б. Формирование этнокультурной компетентности в системе высшего педагогического образования / А. Б. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 30. – С. 315.

17. Бабейко, Ф. С. Общение народов и социальный прогресс. Вопросы теории и методологии / Ф. С. Бабейко. – Кишинев : Штиинца, 1983. – 129 с. – Текст : непосредственный.
18. Бабинцев, В. П. Вопросы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины в социальном хронотопе / В. П. Бабинцев, В. А. Сапрыка. – Текст : непосредственный // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 13. – С. 200-208.
19. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. – Москва ; Волгоград : НОФМО, 2002. – 572 с. – Текст : непосредственный.
20. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.
21. Блинова, Е. С. Социальные и личностные факторы отношения принимающего населения к внутренне перемещенным лицам / Е. С. Блинова. – Текст : непосредственный // Пензенский психологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 102-121.
22. Более 80% жителей СФО положительно оценивают состояние межнациональных отношений. – Текст : электронный // Информационное агентство Тасс. – URL: <https://tass.ru/sibir-news/6263505> (дата обращения: 15.08.2018).
23. Большинство россиян усомнилось в наличии в РФ народного единства. – Текст : электронный // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/682472> (дата обращения: 20.01.2021).
24. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – Текст : непосредственный. – 3-е изд. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. – 440 с.
25. Вартаньян, Э. Г. Межэтнические отношения и пути урегулирования межнациональных конфликтов / Э. Г. Вартаньян. – Текст : непосредственный // ИСОМ. – 2014. – № 3. – С. 155-158.

26. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. – Текст : непосредственный // Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 602–643.
27. Воронова, М. В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России / М. В. Воронова, В. В. Воронов. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – № 6. – С. 69-76.
28. Гараджа, В. И. Социология религии / В. И. Гараджа. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 330 с. – Текст : непосредственный.
29. Герасименко, О. А. Социально-педагогическая интеграция. Выработка концепции / О. А. Герасименко, Р. П. Дименштейн. – Текст : непосредственный // Социально-педагогическая интеграция в России / под ред. А. А. Цыганок. – Москва : Теревинф, 2001. – С. 7.
30. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – Москва : Академический проект, 2005. – 528 с. – Текст : непосредственный.
31. Голенкова, З. Т. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 22-33.
32. Горбунова, А. А. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России / А. А. Горбунова, С. Г. Максимова. – Текст : непосредственный // Политика и Общество. – 2017. – № 7. – С. 127 - 134. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.7.20748.
33. Горбунова, А. А. Регулирование межэтнических отношений (по материалам исследования в Алтайском крае) / А. А. Горбунова, С. Г. Максимова. – Текст : непосредственный // Известия АлтГУ. – 2015. – № 3 (87). – С. 163-166.
34. Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман. – Текст : непосредственный // Социологический ежегодник. Сер.: Теория и история социологии. – 2012. – С. 97-167.

35. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – Москва : Юнити-Дана, 2003. – 352 с. – Текст : непосредственный.
36. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 399 с. – Текст : непосредственный.
37. Гуревич, Л. С. К вопросу о роли языка и этнообразующих факторов в политике самоидентификации нации / Л. С. Гуревич. – Текст : непосредственный // Вестник ЗабГУ. – 2017. – № 9. – С. 67-74.
38. Денисова, Л. Л. Генезис, типы и содержание межэтнических конфликтов: политический и социальный аспекты / Л. Л. Денисова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 111-113.
39. Денисова, Г. С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях / Г. С. Денисова – Текст : непосредственный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 25. – DOI 10.15862/27SCSK420.
40. Дмитриев, А. В. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп / А. В. Дмитриев, В. В. Воронов, Е. А. Михайлова. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6. – С. 98-125.
41. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. – Москва : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 172 с. – Текст : непосредственный.
42. Долгих, Е. Л. Подходы к исследованию интеграционных процессов как новой формы международного сотрудничества в контексте различных концепций / Е. Л. Долгих. – Текст : непосредственный // Эффективные способы и формы модернизации и технологического развития региональной экономики. Материалы VI Междунар. науч.-практич. конф. – 2012. – С. 57-65.

43. Дробижева, Л. М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе / Л. М. Дробижева. – Текст : электронный // Официальный сайт ИС РАН. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=908> (дата обращения: 20.05.2018).
44. Дробижева, Л. М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе / Л. М. Дробижева. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 91-110.
45. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л. М. Дробижева. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74-84.
46. Дробижева, Л. М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ / Л. М. Дробижева. – Текст : непосредственный // Вестник Института Кеннана в России. – Москва, 2009. – Вып. 16. – С. 16-28.
47. Дубровин, М. А. Социальная интеграция государства в условиях глобализации / М. А. Дубровин. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021.– № 6 (108). Ч.5. – С. 89—91. doi: 10.23670/IRJ.2021.108.6.152.
48. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. О. Дюркгейм. – Москва : Наука, 1991. – 575 с. – Текст : непосредственный.
49. Жаде, З. А. Векторы (дез)интеграции в полиэтничном обществе в условиях непосредственного глобального риска / З. А. Жаде. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 3 (264). – С. 185-190.
50. Жуков, А. А. Причины этнополитических конфликтов (на основе рассмотрения грузино-абхазского конфликта) / А. А. Жуков. – Текст : непосредственный // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 3. – С. 31-47.

51. Завьялова, М. Н. Особенности проявления межнациональных отношений в приграничных регионах России / М. Н. Завьялова. – Текст : непосредственный // Вестник ГУУ. – 2014. – № 21. – С. 189-197.
52. Зайцев, Д. В. Социальная интеграция детей с инвалидностью / Д. В. Зайцев. – Саратов : Научная книга, 2003. – 255 с. – Текст : непосредственный.
53. Зайцева, И. Б. Актуальность изучения процессов внутренней миграции в современном обществе / И. Б. Зайцева. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2020. – № 2 (40). – С. 72-80.
54. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://special.kremlin.ru/events/councils/55109> (дата обращения: 22.05.2018).
55. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – Москва : Дело, 2002. – 568 с. – Текст : непосредственный.
56. Зими́на, Н. С. Восприятие мигрантов принимающим сообществом: социально-антропологический аспект / Н. С. Зими́на. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы. – 2015. – № 3. – С. 88-94.
57. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель. – Текст : непосредственный // Культурология. XX век. Антология / ред.-сост. С. Я. Левит. – Москва : ИНИОН, 1995. – С. 378-399.
58. Зиммель, Г. Социальная дифференциация / Г. Зиммель. – Текст : непосредственный // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. / сост. В. И. Добреньков, Л. П. Беленкова. – Москва : Наука, 1994. – С. 218-224.
59. Зубова, Е. А. Социальная интеграция как форма социальной солидарности / Е. А. Зубова. – Текст : непосредственный // Особенности социальной солидарности в современном российском обществе. Материалы межвузовской науч.-практич. конф. – 2016. – С. 182-190.

60. Интолерантность и ксенофобия. – Текст : электронный // Эхо Москвы. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/1853820-echo/> (дата обращения: 02.03.2018).

61. Казанцев, С. В. Защищенность экономики регионов России / С. В. Казанцев. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. – 180 с. – Текст : непосредственный.

62. Карпенко, Л. А. Краткий психологический словарь / Л. А. Карпенко, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону : ФЕНИКС, 2005. – 431 с. – Текст : непосредственный.

63. Карта субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития 2017. – Текст : электронный // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения 12.01.2021).

64. Карта субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития 2018. – Текст : электронный // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/karta_HDI_2018.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

65. Каюмова, Л. Х. Социальная интеграция населения как показатель развития гражданского общества / Л. Х. Каюмова. – Текст : непосредственный // Вестник УЛГТУ. – 2015. – № 4 (72). – С. 12-15.

66. Ким, С. Г. Изучение миграции и интеграции. Мультидисциплинарные перспективы. (Реферативный обзор)=Migrationsund integrationsforschung: multidisziplinäre perspektiven / hrsg. von h. fassmann, j. dahlvik. – göttingen: v&r unipress. 2011. 318 S. / С. Г. Ким. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: реферативный журнал. – 2013. – № 3. – С.74-87.

67. Киселев, М. И. Понятие «Интеграция» с точки зрения структурного функционализма / М. И. Киселев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2011. – № 4, Т. 2. – С. 61-64.

68. Климов, И. А. Социологическая концепция Энтони Гидденса / И. А. Климов. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2. – С. 121-149.
69. Кожанов, И. В. Сущность и структура этнокультурной социализации личности / И. В. Кожанов. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (5). – С. 1193-1197.
70. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер ; пер. с англ. О. А. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. – Москва : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной Книги, 2000. – 205 с. – Текст : непосредственный.
71. Кокшаров Н. В. Причины и факторы межнациональных конфликтов / Н. В. Кокшаров. – Москва, 2001. – 215 с. – Текст : непосредственный.
72. Константинова, Л. В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации / Л. В. Константинова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 19-29.
73. Крайстат: чаще всего на Алтай едут трудовые мигранты из Казахстана. – Текст : электронный // Информационное агентство «ПолитСибРуности. – URL: <https://politsib.ru/news/37218-krajstat-case-vsego-na-altaj-edut-trudovye-migranty-iz-kazahstana> (дата обращения 15.04.2020).
74. Крысько, В. Г. Психология и педагогика / В. Г. Крысько. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 272 с. – Текст : непосредственный.
75. Ларченко, С. Г. Межкультурное взаимодействие в историческом процессе / С. Г. Ларченко. – Новосибирск, 1999. – 171 с. – Текст : непосредственный.
76. Логашенко, Ю. А. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтничной среде : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Ю. А. Логашенко. – Санкт-Петербург, 2015. – 238 с. – Текст : непосредственный.
77. Лубский, А. В. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России. – Текст : непосредственный / А. В. Лубский, О. Ю. Посухова // Власть. – 2016. – № 8. – С. 39-48.

78. Лучшие практики этнокультурной деятельности организаций некоммерческого сектора в Алтайском крае / отв. ред. О. Е. Ноянзина, С. Г. Максимова. – Барнаул, 2018. – 92 с. – Текст : непосредственный.

79. Максимова, О. А. Молодежь Татарстана о межэтнических отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа / О. А. Максимова, Л. К. Нагматуллина. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 4. – С. 222-226.

80. Максимова, С. Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов / С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина. – Текст : непосредственный // Siberian Socium. – 2017. – № 1 (1). – С. 76-83. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-57-61.

81. Максимова, С. Г. Гражданская и этническая идентичность как основа социальной интеграции приграничных регионов современной России / С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина. – Текст : непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2016. – № 4 (1). – С. 6-13.

82. Максимова, С. Г. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России / С. Г. Максимова, Г. С. Авдеева, М. Б. Максимов. – Текст : непосредственный // Вестник АГАУ. – 2013. – № 11 (109). – С. 123-127.

83. Максимова, С. Г. Проблемы исследования гражданской идентичности и социальной интеграции этнических сообществ в полиэтничной среде современной России / С. Г. Максимова. – Текст : непосредственный // Гражданская идентичность и социальная интеграция этнических сообществ в полиэтничной среде приграничных регионов России. – Барнаул : ИП И. А. Колмогоров, 2015. – С. 6-9.

84. Максимова, С. Г. Эффективность реализации государственной национальной политики в приграничных регионах России / С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина. – Текст : непосредственный // Вестник АГАУ. – 2016. – № 11 (145). – С. 178-183.

85. Маслиева, С. Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика / С. Н. Маслиева. – Текст : непосредственный // ИСОМ. – 2014. – № 2. – С. 159-165.

86. Миграция населения Алтайского края. – Текст : электронный // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграция%20населения%20Алтайского%20края.htm> (дата обращения: 15.02.2021).

87. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения. Социальный бюллетень (май 2018). – Текст : электронный // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16766.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

88. Мид, Дж. Г. Азия / Дж. Г. Мид. – Текст : непосредственный // Американская социологическая мысль / В. И. Добренков. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – С. 122-127.

89. Милкина, Л. И. Теоретико-методологические подходы к исследованию интеграции общества / Л. И. Милкина. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6-1. – С. 104-106.

90. Михальченко, В. Ю. Словарь социолингвистических терминов / В. Ю. Михальченко. – Москва : Российская академия наук, 2006. – 312 с. – Текст : непосредственный.

91. Мониторинг состояния межнациональных отношений в Алтайском крае : монография / под. общ. ред. С. Г. Максимовой. – Барнаул : Типография Триада, 2015. – 100 с. – Текст : непосредственный.

92. Москалева, Н. В. Трансграничное сотрудничество – социально-экономический потенциал сопредельных территорий / Н. В. Москалева. – Текст : непосредственный // Проблемы безопасности российского общества. – 2014. – № 1. – С.127-132.

93. Мукомель, В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. И. Мукомель. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся. – 2016. – № 14. – С. 411-467.

94. Народы Алтайского края. – Текст : электронный // Официальный сайт Алтайского края. – URL: <https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php> (дата обращения: 12.05.2020).

95. Население Алтайского края: численность, крупные города. – Текст : электронный // Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/altaiskogo-kraia> (дата обращения: 10.01.2021).

96. Национально-культурные объединения края. – Текст : электронный // Официальный сайт Алтайского края. – URL: <https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/Natcionalno-kulturnye-obedineniia-kraia/> (дата обращения: 12.05.2021).

97. Ноянзина, О. Е. Народное единство в представлениях современных россиян / О. Е. Ноянзина. – Текст : непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2016. – № 4 (1). – С. 67.

98. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Алтайского края (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). – Текст : электронный // Официальный сайт Территориального органа федеральной службы гос. статистики по Алтайскому краю URL: <http://akstat.gks.ru> (дата обращения: 22.03.2018).

99. О деятельности некоммерческих организаций. – Текст : электронный // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx?request_type=nko (дата обращения: 15.09.2021).

100. Омельченко, Д. А. Социальная безопасность региональных социумов российского приграничья: индивидуальные и институциональные факторы / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина. – Текст : непосредственный // Society and Security Insights. – 2021. – № 4 (3). – С. 13-37.

101. Осипов, А. Г. Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? – Текст : непосредственный // ПОЛИТЭКС. – 2012. – № 1. – С. 200-222.

102. Паин, Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР / Э. А. Паин, А. А. Попов. – Текст : непосредственный // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 3-15.

103. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – Москва : Аспект-Пресс, 1997. – 270 с. – Текст : непосредственный.

104. Парсонс, Т. Функциональная теория измерения / Т. Парсонс, В. И. Добренъков. – Текст : непосредственный // Американская социологическая мысль. – Москва : изд-во МУБиУ, 1996. – С.474-476.

105. Поляков, Д. Д. Теоретико-эмпирическое осмысление проблем интеграции детей мигрантов в регионе (на примере Липецкой области) / Д. Д. Поляков, И. Б. Стояновская. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 221-227.

106. Попков, Ю. В. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. – Салехард : Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2006. – 376 с. – Текст : непосредственный.

107. Попов, М. Е. Основы социокультурной интеграции и адаптации : учеб. пособие / М. Е. Попов, С. В. Попова. – Ставрополь, 2015. – 121 с. – Текст : непосредственный.

108. Привалова, М. Е. Национально-культурные объединения как инновационный потенциал региона в современной России: социологический

анализ / М. Е. Привалова. – Текст : непосредственный // Logos et Praxis. – 2013. – № 2. – С. 138-142.

109. Прилуцкий, А. М. Понятие «секта»: основное значение и правомерность употребления / А. М. Прилуцкий, А. К. Погасий. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2006. – № 1. – С. 164-170.

110. Прохоров, Б. Б. Экология человека / Б. Б. Прохоров. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 476 с. – Текст : непосредственный.

111. Реализация в Алтайском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: основные итоги 2016 года. – Текст : электронный // Официальный сайт Алтайского края. – URL: <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/realizatsiya-v-altayskom-krae-strategii-gosnatsionalnoy-politiki-rossiyskoj-federatsii-.php> (дата обращения: 17.05.2018).

112. Рейтинг российских регионов по качеству жизни 2020. – Текст : электронный // РИА Новости. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 10.12.2020).

113. Рейтинг социально-экономического положения регионов 2020. – Текст : электронный // РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 10.12.2020).

114. Ресурс межэтнического согласия в Москве : информационно-аналитический бюллетень / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – Текст : электронный // Институт социологии ФНИСЦ РАН. – 2014. – № 2. – URL: http://www.isras.ru/inab_2014_02.html (дата обращения: 10.12.2020).

115. Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае: информационные материалы / под общ. ред. С. Г. Максимовой, О. Е. Ноянзиной, М. Б. Максимова [и др.]. – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2018. – 170 с. – Текст : непосредственный.

116. Родионова, Л. В. Оценка современных миграционных процессов в приграничном регионе в контексте безопасности / Л. В. Родионова. – Текст : непосредственный // Экономика Профессия Бизнес. – 2018. – № 1. – С. 61–74.
117. Роль национально-культурных объединений в содействии социальной адаптации и интеграции этнических сообществ в Алтайском крае / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова. – Текст : непосредственный // Вестник АГАУ. – 2017. – № 8 (154). – С. 182-186.
118. Романенко, Н.М. Межэтнические коммуникативные практики как компоненты процесса поликультурного общения / Н.М. Романенко – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2017. №5 (101). – С. 15-17.
119. Романенко, Н.М. Составляющие компоненты межэтнической коммуникации / Н.М. Романенко. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2016. – №9 (93). – С. 41-45.
120. Романова, Т. О. Национально-культурные автономии: создание, государственная регистрация, правовая основа деятельности / Т. О. Романова // Некоммерческие организации в России. – 2013. – № 2. – С. 62–65.
121. Россияне назвали поводы для гордости страной. – Текст : электронный // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2017/03/01/rossiiane-nazvali-povody-dlia-gordosti-stranoj.html> (дата обращения: 08.02.2021).
122. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – Текст : непосредственный // Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Наука, 1969. – С. 151–257.
123. Савицкая, О. В. Этнопсихология / О. В. Савицкая. – Москва : МГППУ, 2011. – 264 с. – Текст : непосредственный.
124. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – Москва : Академия, 2000. – 304 с. – Текст : непосредственный.
125. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – Москва : Гардарики, 2008. – 287 с. – Текст : непосредственный.
126. Сазонова, О. А. Адаптационная и интеграционная политика в отношении иностранных граждан: особенности правового регулирования в

Российской Федерации / О. А. Сазонова. – Текст : непосредственный // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 3. – С. 10.

127. Сарыглар, С. А. Межэтническая интеграция: понятие и сущность / С. А. Сарыглар. – Текст : непосредственный // *Дискурс*. – 2016. – № 2. – С. 350-353.

128. Сарыглар, С. А. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения мигрантов в азиатском приграничье России / С. А. Сарыглар, С. Г. Максимова. – Текст : непосредственный // *Society and Security Insights*. – 2020. – № 1. – С. 37-48.

129. Сарыглар, С. А. Специфика и практики социальной интеграции мигрантов из стран СНГ в российских приграничных регионах / С. А. Сарыглар, С. Г. Максимова. – Текст : непосредственный // *Социодинамика*. – 2019. – № 6. – С. 13-22.

130. Сарыглар, С. А. Специфика межэтнической интеграции в приграничном регионе России в период интенсивных миграционных процессов / С. А. Сарыглар. – Текст : непосредственный // *Социодинамика*. – 2020. – № 7. – С. 15-24.

131. Селиванова, Ю. В. Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия / Ю. В. Селиванова. – Текст : непосредственный // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология*. – 2014. – № 2. – С. 41–44.

132. Семенов, Ю. И. Народ, этнос, нация. Статья 2. Общество, политодемотия, нация / Ю. И. Семенов. – Текст : непосредственный // *Философия и общество*. – 2013. – №2 (70). – С. 5-27.

133. Семенов, Ю. И. Народ. Этнос. Нация. Статья 1. Общество, население, этнос / Ю. И. Семенов. – Текст : непосредственный // *Философия и общество*. – 2013. – №1 (69). – С. 21-55.

134. Совет по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края. – Текст : электронный // Официальный сайт Алтайского края. – URL:

<https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennayanatsionalnaya-politika/sovet-po-voprosam-realizatsii-gosudarstvennoynatsionalnoy-politiki-altayskogo-kрая/> (дата обращения: 15.05.2018).

135. Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – Москва : Наука, 1994. – 560 с. – Текст : непосредственный.

136. Сорокин, П. А. Социальная аналитика. Анализ элементов взаимодействия / П. А. Сорокин. – Текст : непосредственный // Теоретическая социология: антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковская. – Москва : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 136-156.

137. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские : пер. с англ. / Г. Спенсер ; под ред. Н. А. Рубакина. – Москва : Современный литератор, 1998. – 1408 с. – Текст : непосредственный.

138. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2015-2019 : стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул. – 2020. – 280 с. – Текст : непосредственный.

139. Табылгинова, Л. А. Основные научные подходы к понятию «Социальная интеграция» / Л. А. Табылгинова. – Текст : непосредственный // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2011. – № 4. – С. 196-201.

140. Терборн, Г. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания / Г. Терборн. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 1. – С. 46-49.

141. Тихомирова, Е. С. Ключи к интеграции в России / Е. С. Тихомирова. – Текст : непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2016. – Т. 3, № 9. – С. 206-218.

142. Тишков, В. А. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. – Москва : Изд-во Московского университета, 2011. – 376 с. – Текст : непосредственный.

143. Трофимова, И. Н. К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах / И. Н. Трофимова. – Текст : непосредственный // ARS ADMINISTRANDI. – 2014. – № 1. – С. 61-69.

144. Трусов, М. А. Роль Совета по межнациональным отношениям при президенте российской Федерации и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года в разработке национальной политики государства / М. А. Трусов. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 23 (314). – С. 66–70.

145. Тхатель, С. А. Развитие национально-культурных организаций в полиэтничном социуме: социологический аспект / С. А. Тхагель. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 57-59.

146. Упоров, В. И. Социальная интеграция российского общества: возможности в условиях дезинтеграционных факторов / В. И. Упоров. – Текст : непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2021. – № 1 (10). С. 222-228.

147. Федорова, И. О. Анализ факторов интеграции мигрантов в принимающее сообщество Санкт-Петербурга / И. О. Федорова. – Текст : непосредственный // Известия СПбГЭУ. – 2020. – № 3 (123). С. 175-179.

148. Федотов, А. А. Интегральный индекс человеческого развития и классификация регионов страны по различным его аспектам / А. А. Федотов. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 8. – С. 190-197.

149. Хабибуллина, А. Р. Теоретико-методологические подходы к изучению межэтнического взаимодействия в исторических науках / А. Р. Хабибуллина. – Текст : непосредственный // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 10 (2). – С. 17-23.

150. Хабриева, Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева. – Москва : Юстицинформ, 2003. – 256 с. – Текст : непосредственный.

151. Характеристика Алтайского края. – Текст : электронный // Министерство экономического развития Алтайского края. – URL: <https://econom22.ru/economy/AltaiRegionCharacteristic/> (дата обращения: 10.01.2021).

152. Хлебович, Д. И. Экспертный опрос как инструмент исследования проблем высшего профессионального образования: предпосылки и практика использования / Д. И. Хлебович. – Текст : непосредственный // Известия БГУ. – 2013. – № 6. – С. 12-20.

153. Целищев, Н. Н. Межнациональные конфликты и национальная безопасность России (к совещанию ШОС в Екатеринбурге в июне 2009 г.) / Н. Н. Целищев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – № 1/2 (62). – С. 7-20.

154. Чекрыжова, О. И. Миграция населения Алтайского края: ретроспективный анализ / О. И. Чекрыжова, Е. В. Тарасова. – Текст : непосредственный // Известия АлтГУ. – 2018. – № 2 (100). – С. 145-149.

155. Черепанова, М. И. Миграционные процессы в Алтайском крае: будет ли у региона будущее? / М. И. Черепанова, А. А. Горбунова, Д. А. Глуховерова, С. А. Сарыглар. – Текст : непосредственный // Социология в современном мире: образование, наука, творчество. 2019. – №11 (2). – С. 232-236.

156. Чефонова, Е. А. Социальная интеграция населения в низкоурбанизированной культурной среде : автореф. дис. ... канд. социол. Наук : 22.00.06 / Е. А. Чефонова. – Белгород, 2018. – 19 с. – Текст : непосредственный.

157. Чефонова, Е. А. Специфика социальной интеграции населения: по результатам социологического исследования / Е. А. Чефонова, Е. И. Мозговая. – Текст : непосредственный // ИСОМ. – 2016. – № 4-2. – С. 108-113.

158. Число общественных объединений. Государственное устройство, общественные объединения и религиозные организации. – Текст : непосредственный // Федеральная служба государственной статистики. – URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 20.02.2019).

159. Шадже, А. Ю. Ресурс доверия и сплоченности в интеграции региональных сообществ в условиях пандемии (по результатам социологического исследования) / А. Ю. Шадже, Е. С. Куква. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2020. – № 6. – С. 178-190.

160. Шайхисламов, Р. Б. Роль традиционных и нетрадиционных средств массовой коммуникации в регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде / Р. Б. Шайхисламов, Э. В. Садретдинова, Н. В. Коровкина – Текст : непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 6(29). – С. 66-73. – DOI 10.24153/2079-5912-2017-8-6-66-72.

161. Шарачева, Р. М. О специфике деятельности национально-культурных организаций Удмуртии / Р. М. Шарачева. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 63-67.

162. Шахова, Е. В. Миграционные планы жителей Алтайского края / Е. В. Шахова. – Текст : непосредственный // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2020. – Т. 3, № 9. – С. 229-233.

163. Шиняева, О. В. Роль некоммерческих организаций в укреплении социальной интеграции россиян / О. В. Шиняева, Л. Х. Каюмова. – Текст : непосредственный // АНИ: педагогика и психология. – 2015. – № 1 (10). – С. 108-111.

164. Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультуральная модель интеграции мигрантов в России? / О. В. Щедрина. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 14-15.

165. Этническая ассимиляция. – Текст : непосредственный // Библиотека учебной и научной литературы. – URL: <http://sbiblio.com> (дата обращения: 05.03.2015).

166. Этнические симпатии и антипатии россиян. – Текст : электронный // Демоскоп Weekly. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/opros02.php> (дата обращения: 20.05.2018).

167. Якимов, А. Н. Адаптация и интеграция мигрантов: сборник эффективных практик / А. Н. Якимов. – Санкт-Петербург, 2018. – 72 с. – Текст : непосредственный.

168. Berger, P. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Luckmann. – London : Penguin Books, 1979. – 249 p. – Text : direct.

169. Castellini, F. Sense of Community and Interethnic Relations: Comparing Local Communities Varying in Ethnic Heterogeneity / F. Castellini, M. Colombo. – Text : direct // Journal of Community Psychology. – 2011. – № 6. – P. 663-677.

170. Endruweit, G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Entwicklungsprozesse / G. Endruweit. – Frankfurt-am Main : Bern : New-York, 1996. – 215 s. – Text : direct.

171. Etzioni, A. The active society / A. Etzioni. – New York : Free Press, 1968. – 417 p. – Text : direct.

172. Giddens, A. Profiles and Critiques in Social Theory / A. Giddens. – London : Macmillan, 1982. – 239 p. – Text : direct.

173. Gorbunova, A. A. Social security of border territories: ethno-cultural aspect / A. A. Gorbunova, S. A. Saryglar. – Text : direct // Society and security insights. – 2018. – № 1. – P. 40-47.

174. Grosu, R. Dynamics of Immigrant Entrepreneurship in Romania / R. Grosu. – Text : direct // Economy of region. – 2015. – № 2. – P. 172-182.

175. Habermas, J. Theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the rationalization of society / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 562 p. – Text : direct.

176. Indicators of Immigrant Integration 2015. – Текст : электронный // OECD/European Union. – URL: <https://www.oecd.org/publications/indicators-of->

[immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm](https://www.migrationpolicy.org/immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm) (дата обращения 15.01.2022).

177. Jimenez, T. R. Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? / T. R. Jimenez. – Washington DC : Migration Policy Institute. – 2011. – P. 30. – Text : direct.

178. Laurence, J. Reconciling the Contact and Threat Hypotheses: Does Ethnic Diversity Strengthen or Weaken Community Inter-Ethnic Relations? / J. Laurence. – Text : direct // Ethnic and Racial Studies. – 2014. – Vol. 37. – P. 1-22.

179. Liu, J. H. A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity / J. H. Liu. – Text : direct // Online Readings in Psychology and Culture. – 2012. – Vol. 5 (3). – P. 1-13.

180. Maximova, S. G. Sociological monitoring of interethnic relations / S. G. Maximova, O. E. Noyanzina, D. A. Omelchenko. – Text : direct // 3rd Global Conference on Business and Social Sciences. – 2016. – Vol. 219. – P. 534-540.

181. Methodology. How does MIPEX decide the scores. – Текст : электронный // Migrant Integration Policy Index 2020. – URL: <https://www.mipex.eu/methodology> (дата обращения 15.01.2022).

182. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions / D. A. Omelchenko, S. G. Maximova, O. E. Noyanzina [et al.]. – Text : direct // Asian Social Science. – 2015. – Vol. 11, № 6. – P. 27-36.

183. Park, R. Assimilation / R. Park. – Text : direct // Introduction to the Science of Sociology / ed. by R. Park, E. Burgess. – Chicago : Chicago University Press, 1969. – P. 734-739.

184. Parsons, T. Some Afterthoughts on «Gemeinschaft and Gesellschaft» / T. Parsons. – Text : direct // A New Evaluation. Essays and Documents / ed. W. J. Cahnmann, T. Ferdinand. – Leiden : E. J. Brill, 1973. – S. 151-159.

185. Reinprecht Ch. Migration und Integration: Soziologische Perspektiven und Erklärungsansätze / Ch. Reinprecht, H. Weiss. – Text : direct // Migrations- und Integrationsforschung: Multidisziplinäre Perspektiven / Hrsg. von H. Fassmann, J. Dahlvik. – Göttingen : V&R unipress, 2011. – S. 13-32.

186. Sherif, M. The Psychology of social norms / M. Sherif. – New York : Harper and Brothers, 1966. – 249 p. – Text : direct.

187. Strasser, S. Über Grenzen verbinden: Rezente Debatten zur Migrationsforschung in der Sozial- und Kulturanthropologie / S. Strasser. – Text : direct // Rezente Debatten zur Migrationsforschung in der Sozial- und Kulturanthropologie / ed. H. Fassmann, J. Dhalvik. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, KG, 2012. – S. 33-56.

188. Tajfel, H. Social and cultural factors in perception / H. Tajfel. – Text : direct // The handbook of social psychology / ed. G. Lindzey, E. Aronson. – 2nd ed. – Addison-Wesley, 1968. – P. 315-394.

189. Therborn, G. Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century / G. Therborn. – Text : direct // Working Paper Series. – 2011. – № 1. – P. 1-31.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Таблица 1

Стандартизированные показатели изучения особенностей межэтнического взаимодействия в процессе социальной интеграции населения в Алтайском крае

<i>Категория</i>	<i>Показатель</i>	<i>Индикатор</i>
Осознание своей принадлежности к этнической группе	Этнорегиональная самоидентификация	Степень близости
	Самооценка этнической принадлежности	Наличие
		Самоназвание
		Степень
		Этнически смешанная самоидентификация
	Мотивация этнической принадлежности на основе этнодифференцирующих признаков	Язык
		Национальные традиции
		Национальная культура
		Территория
		Национальность родителей
		Религия
		Национальная самоидентификация
		Черты внешности
		Манера поведения
		Общая история
	Общая государственность	
	Исповедуемая религия	Название
Степень религиозности	Посещение церкви	
	Частота посещения церкви	
	Исполнение обрядов	
	Наличие предметов культа	
	Чтение литературы	
	Отношение к молитве	
Общение со служителями культа		
Отношение к своей этнической / религиозной / группе / ощущение гражданства	Эмоциональное восприятие принадлежности к своей этнической / религиозной / группе / эмоциональное ощущение гражданства	Проявление
		Степень
	Когнитивное восприятие принадлежности к своей этнической / религиозной / группе / когнитивное восприятие гражданства	Проявление
		Степень
Оценка родственной связи с представителями этнической группы		

	Оценка влияния численности этноса на его положение в обществе	
	Оценка чувства этнической принадлежности как фактора защищенности в кризисной ситуации	
	Оценка личных преимуществ этнической идентификации	Наличие
		Название
	Ощущение безопасности, обусловленное осознанием этнической принадлежности	
Отношение к другим этническим группам	Отношение к представителям других национальностей	
	Испытываемые чувства к представителям разных национальностей	Проявление симпатии / антипатии / индифферентность
	Причины негативного отношения к представителям других национальностей	
Осознание своей принадлежности к сообществу граждан	Гражданская самоидентификация	Наличие
		Степень
Отношение к стране, ее истории, гражданственность	Компоненты гражданской самоидентификации	Патриотизм
		Любовь
		Законопослушность
		Гражданские права
		Гражданский долг
		Уважение власти
		Самореализация
		Причастность
	Мобильность	
	Проявление чувства гордости за страну	
	Объекты гордости за страну	Наличие
	Проявление чувства стыда за страну	
	Объекты стыда за страну	Наличие

Оценка межнациональных и межконфессиональных отношений	Оценка наличия народного единства в стране	Наличие
	Факторы народного единения / его отсутствия	Наличие
	Динамика межнациональных отношений в России	Степень
	Проявления враждебности в отношении представителей иных этносов	Частота
	Отношение к иноэтничным трудовым мигрантам	Степень
		Ограничение приезда
		Легализация нелегальных мигрантов
		Ассимиляция
	Угроза враждебного отношения со стороны представителей иных этносов	Степень
	Оценка влияния представителей национальных меньшинств на ситуацию в стране	Степень
	Поддержка идеи превосходства русских	Степень
	Поддержка идеи сокращения помощи бюджетам Кавказских республик	Степень
	Оценка вероятности межнациональных конфликтов в России / в регионе	Степень
	Отношение к ограничению проживания в стране людей разных национальностей	Название национальности
Оценка межнациональных отношений в регионе	Степень	
Оценка межконфессиональных отношений в регионе	Степень	

Оценка межнациональных и межконфессиональных отношений	Оценка эффективности мер по обеспечению межнационального согласия	Степень
	Личный опыт столкновения с проявлениями межнациональной интолерантности / конфликтности в регионе	Наличие
		Проявления межнациональной интолерантности / конфликтности
Характеристики межэтнической сферы региона	Межнациональная дружба	Уровень выраженности
	Уважение традиций	
	Взаимовыручка	
	Предрассудки	
	Враждебность в коммуникациях	
	Соперничество в лидерстве	
	Справедливость в распределении благ	
	Взаимоуважение	
	Психологическое давление	
	Осуждение национализма	
	Хулиганские действия	
	Осуждение межнациональных браков	
	Эффективность власти	
Гражданский диалог		
Социально-демографические характеристики	Профессионально-должностная группа	
	Отрасль экономики	
	Самооценка уровня материального достатка	
	Уровень образования	
	Семейное положение	
	Место жительства	Длительность проживания
		Место рождения
	Религиозная принадлежность	
	Отношение к религии	
	Возраст	
	Пол	

Стандартизированные показатели экспертизы процессов социальной интеграции представителей разных национально-культурных объединений

<i>Категория</i>	<i>Показатель</i>	<i>Индикатор</i>
Деятельность национально-культурного общественного объединения	Социально значимые виды деятельности	Связанные с обеспечением этнокультурных интересов и потребностей
		Другая социально значимая деятельность
	Причины создания организация	Личные
		Общественные
		Социальные
		Культурные
		Политические
	Трудности в деятельности	Объективные
		Субъективные
		Внутренние
		Внешние
		Субъекты решения проблем
		Виды помощи в преодолении трудностей
Оценка эффективности деятельности	Уровень оценки	
Внутри-секторные и межсекторные связи организации	Ключевые партнеры	Органы власти равного уровня
		Государственные учреждения
		Частные структуры
		Отдельные граждане
		Другие НКО
		Другие национальные НКО
		Количество партнеров НКО / национальных НКО
		Уровень функционирования партнеров
	Формы взаимодействия с партнерами	Участие в мероприятиях, проводимых органами власти
		Конкурсы социально значимых программ, социальный заказ, грантовые программы
		Участие в работе общественных советов, палат и т.д.
		Финансовая поддержка со стороны органов власти
		Участие в разработке или экспертизе нормативных правовых актов в сфере госнацполитики
		Информационная поддержка со стороны органов власти
		Организационная, правовая поддержка со стороны органов власти
		Имущественная поддержка со стороны органов власти

Внутри-секторные и межсекторные связи организации	Оценка взаимодействия с партнерами	Оценка частоты взаимодействия Оценка удовлетворённостью взаимодействия
	Участие в работе консультативных / совещательных органов в сфере госнацполитики	Включенность в консультативные / совещательные органы
		Частота взаимодействия
		Удовлетворенность взаимодействием
	Контакты с этническими диаспорами	Наличие контактов
		Частота взаимодействия
		Удовлетворенность взаимодействием
	Контакты с религиозными организациями	Наличие контактов
		Частота взаимодействия
		Удовлетворенность взаимодействием
Членство в сетевых организациях	Наличие членства	
	Эффективность союза	
Оценка состояния межнациональных/межэтнических отношений в регионе	Доверие деятельности НацКО	Уровень выраженности
	Доверие этническим диаспорам	
	Стремление объединяться в защиту национальных интересов	
	Межнациональная напряженность	
	Эффективность органов власти в сфере госнацполитики	
	Справедливость в распределении благ	
	Гражданский диалог	
	Межнациональная напряженность	
Потребность в развитии этнокультур		
Социально-демографические характеристики	Должность	
	Уровень образования	
	Возраст	
	Пол	

Приложение 2. Таблица 1

Полная объясненная дисперсия по вопросу «Выраженность характеристик межэтнической сферы» за весь период исследования, %.

Полная объясненная дисперсия									
Компонент а	Начальные собственные значения			Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивн ый %	Итого	% Дисперсии	Кумулятивн ый %	Итого	% Дисперсии	Кумулятивн ый %
1	6,454	30,731	30,731	6,454	30,731	30,731	5,195	24,739	24,739
2	4,237	20,177	50,908	4,237	20,177	50,908	4,172	19,868	44,607
3	1,618	7,706	58,615	1,618	7,706	58,615	2,942	14,007	58,615
4	0,932	4,437	63,052						
5	0,779	3,709	66,761						
6	0,718	3,417	70,178						
7	0,695	3,308	73,486						
8	0,597	2,844	76,33						
9	0,588	2,802	79,131						
10	0,511	2,435	81,567						
11	0,472	2,247	83,814						
12	0,457	2,177	85,991						
13	0,405	1,926	87,917						
14	0,399	1,899	89,817						
15	0,361	1,717	91,534						
16	0,357	1,699	93,232						
17	0,345	1,643	94,875						
18	0,324	1,543	96,418						
19	0,313	1,492	97,91						
20	0,262	1,247	99,157						
21	0,177	0,843	100						

Матрица повернутых компонент по вопросу «Выраженность характеристик межэтнической сферы» за весь период исследования, %.

Матрица повернутых компонент ^a			
	Компонента		
	1	2	3
Дружба между представителями разных национальностей			0,787
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей			0,742
Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности			0,676
Предвззудки, мешающих установлению дружеских отношений		0,652	
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности		0,783	
Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей		0,747	
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей			0,565
Уважительное отношение к представителям другой национальности			0,702
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)		0,799	
Осуждение проявлений национализма			
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)		0,764	
Осуждение межнациональных браков		0,707	
Недружелюбные высказывания о людях иной веры		0,763	
Контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики	0,748		
Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей	0,828		
Поддержка национально-культурных общественных объединений	0,84		
Поддержка конфессий, религиозных организаций	0,734		
Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично	0,781		

Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений	0,796		
Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе	0,812		
Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания	0,679		